

Галина Сапожникова

КТО КОГО & ПРЕДАЛ

Как убивали Советский Союз
и что стало с теми,
кто пытался его спасти

Галина Михайловна Сапожникова

Кто кого предал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23287462

2017

ISBN 978-5-4470-0186-5

Аннотация

В книге, написанной известной российской журналисткой Галиной Сапожниковой, рассказывается о том, как Литва первой из советских республик стала полигоном для обкатки технологии «цветной» революции, с помощью которой был развален СССР. Автор публикует несколько десятков интервью с реальными людьми, свидетелями и участниками событий тех лет, которые опровергают миф о том, что Прибалтика в 1991 году сделала однозначный выбор в пользу Запада и сдалась без сопротивления, и открывают во многом сенсационные подробности того, как «новая, свободная, демократическая» Литва расправлялась с политическими противниками.

Содержание

К читателям	6
Глава 1	11
Краткая история вопроса	11
Экс-командир группы «Альфа» Михаил Головатов: «Я воевал и знаю, как свистят пули»	17
Зачем маршала Язова объявили в международный розыск?	31
Помощник Горбачева Георгий Остроумов: «Модель развала СССР была заимствована у Прибалтики»	45
Глава 2	54
Аудрюс Буткявичюс: «Мы испортили русским картинку»	55
Джин Шарп: «Прибалтика – моих рук дело»	68
Владимир Овчинский: «Руководство СССР сознательно уничтожало страну»	82
Глава 3	98
Альгирдас Палецкис и инквизиция XXI века	102
«Все свалить на русских, и сойдет»	112
Не по Чехову	122
Глава 4	132
Историк и философ Валерий Иванов: «Я	137

пообещал забрать сына из детского сада и
ушел на три года»

Конец ознакомительного фрагмента.

151

Галина Сапожникова
КТО КОГО ПРЕДАЛ
Как убивали Советский
Союз и что стало с теми,
кто пытался его спасти

ISBN 978-5-4470-0186-5

Дизайн обложки *Максим Андрусенко*

Корректор *Любовь Семенова*

© Г. М. Сапожникова, 2016

© АО «ИД "Комсомольская правда"», 2016

К читателям

...Сейчас мне вспоминать об этом смешно, но тогда было в первый раз страшно.

Осень 1991 года, Таллин. Свежеиспеченная независимость прибалтийских республик, свалившаяся на их головы в виде подарка после провалившегося в Москве путча. Водоворот надежд и событий, впереди – целое будущее, которое, без всякого сомнения, будет чистым и светлым. Ленина на площади перед ЦК Компартии Эстонии уже нет, но Бронзовый Солдат простоят еще целых 16 лет. И нет пока ни тревоги, ни боли, ни длинных очередей за видами на жительство в Департамент гражданства и миграции, в которые Эстония и соседняя Латвия поставили тех, с кем еще вчера сидели за одним столом. С кем дружили, на ком женились и от кого рожали детей. Третья республика Прибалтики – Литва – смотрелась на этом фоне образцом адекватности: она удержалась от того, чтобы унижить тех, кто десятилетиями жил рядом, предоставив всем своим жителям права и гражданство.

Но до всего этого еще далеко в те самые первые дни восстановленной прибалтийской независимости. Так и хочется написать «дни, наполненные радостью», но это будет неправдой. Есть несколько моментов, которые мешали разделить эту радость с представителями титульных наций. Эта тревога жила в нас с января 1991-го, когда случились трагиче-

ские события в Вильнюсе. На таллинском Вышгороде возвели баррикады из тяжелых природных камней, их приволокли на случай прихода советских танков, которые, впрочем, так и не пришли. Вместо них в Таллин примчался «светоч демократии» Борис Ельцин, главным образом для того, чтобы продемонстрировать, что он – не Горбачев. Что он лучше всех этих носителей советского менталитета – работников – заводов союзного подчинения, которые требуют гарантий своих прав и отчего-то не поют с умильными улыбками в общем хоре. Подписав все, о чем его просили прибалты, и встретившись ровно на 3 минуты с русскоязычными депутатами, будущий Президент России бежал. Ну а как еще назвать спектакль с тайным вывозом Ельцина на машине в Петербург, в обход таллинского аэропорта, у которого его ждали соотечественники – русские?..

Расчет был правильным: спустя 7 месяцев стоящему на танке Ельцину аплодировал весь мир. А в Эстонии ровно тогда же появился первый политзаключенный – директор таллинского электротехнического завода имени Ханса Пегельмана Игорь Шепелевич. По официальной версии, его посадили в камеру предварительного заключения за поддержку ГКЧП. На самом же деле совсем за другое – за мудрость предвидения: чем обернется вся эта история с независимостью для балтийских русских.

И мы – аккредитованные в Эстонии российские журналисты – начали вытаскивать Шепелевича из тюрьмы, хотя это

было и небезопасно: оказаться в лагере проигравших могло означать конец карьеры, профессиональной и человеческой, поскольку от защитников СССР тогда шарахались как от прокаженных. Публикации в «Комсомолке», чьим собственным корреспондентом я тогда была, шли под псевдонимом, посольства России в Эстонии еще не было, спешно назначенный временный поверенный был стопроцентным «демократом», поэтому на его помощь рассчитывать не приходилось. В местных газетах писали о том, что всех несогласных скоро из страны вышлют. Жанр доноса вернулся так быстро, будто никуда и не уходил. Соседи писали петиции, что московский корреспондент в эстонском доме им не нужен. В длинном коридоре, ведущем к двери таллинского кор-пункта, время от времени шуршали чьи-то шаги: ручка на входной двери шевелилась. После того что со мной было в следующие 20 лет – многократных публичных занесений в подготовленные органами безопасности всех трех балтийских стран списки «врагов народа», нескольких обысков на границе и одной официальной депортации, – мой страх перед дверной ручкой кажется смешным, но тогда было невесело, потому что вместе с другими русскими жителями Прибалтики я оказалась в лагере «проигравших». Полагаю, что «победители» оставят о тех днях совсем другие – воспоминания. Память вообще вещь избирательная: я, например, в дни августовского путча запомнила ошарашенных птенцов-танкистов на глохнущих бронемашинах, которых эстон-

ские бабушки угощали пирожками и яблоками. А американское посольство в Таллине – «героическую оборону эстонских повстанцев», и даже нашло на стенах таллинской телебашни следы от несуществующих пуль...

К Новому году мы Шепелевича из тюрьмы все-таки вытащили. И в моем личном послужном списке именно эта история была первым плюсом в череде всех прочих профессиональных побед – то, что на той маленькой войне мы Эстонию от соблазна скатиться в эпоху «охоты на ведьм» отстояли.

Тем удивительнее было узнать, что в Литве, которая все эти годы нежилась в романтическом ореоле собственного великодушия, машина политического неправосудия не останавливалась ни на день. Десятки осужденных по политическим статьям, сотни людей, навсегда потерявших родину, десятки тысяч покинувших ее в последние годы из-за липкой атмосферы, постепенно ставшей воздухом, – вот что открылось, когда 5 лет назад литовский политик Альгирдас Палецкис, вспоминая трагические события в Вильнюсе в январе 1991-го, сказал в радиоэфире фразу: «Как теперь выясняется, свои стреляли в своих». Она стоила ему нескольких лет судебных тяжб, лишения всех госнаград, настоящей травли в СМИ и солидного денежного штрафа. Литовской Фемиде этого было мало – свои приговоры получили даже свидетели, которые поддержали Палецкиса на суде и рассказали то, что видели своими глазами...

Но репрессивная машина ненасытна и постоянно требует корма.

Заочный суд по делу 13 января 1991 года, который Вильнюс старается превратить сейчас во второй нюрнбергский процесс, – лишь фрагмент общей мозаики под названием «Литва» и ее нового имиджа политической тюрьмы Европы, о чем я пишу с сожалением.

В этой книге собраны голоса людей, которых Литовская Республика лишила родины и доброго имени только лишь за то, что они не отказались от своих взглядов. За то, что не перекрашивались, – как секретари литовской Компартии на платформе КПСС Миколас Бурокаявичюс и Юозас Ермалавичюс, писали честные книги, как Валерий Иванов и Юозас Куолялис, умирали, как лейтенант Виктор Шатских и генерал-майор Станислав Цаплин, и все эти годы держали спины прямо – как многие другие герои страниц, которые вы сейчас открываете.

Читайте их истории, которые 25 лет никто не хотел слушать.

В них – подлинная История Литвы и Прибалтики. Без лакировки.

Глава 1

Операция «Дискредитация»

Краткая история вопроса

«Остановите! Остановите убийство!» – слабым голосом повторял Витаутас Ландсбергис, и руки его тряслись. Все уже случилось: диктор телевидения Татьяна Миткова отказалась зачитывать в прямом эфире официальную версию событий в литовской столице, телевизоры показали танки и трупы, мир ахнул, узнав об очередной советской агрессии, а Борис Ельцин срочно выехал в Прибалтику, чтобы, открестившись от СССР, подписать договоры от имени независимой от СССР России. Лидер литовского движения «Саюдис» Витаутас Ландсбергис подписал их по телефону, но уже наутро примчался в Таллин. Ну а я подошла к нему за интервью.

Слушать его слова было стыдно – тогда вообще было неуютно находиться на советской стороне. Подготовленный разоблачениями в «Огоньке» и обученный каяться, русский человек автоматически начинал чувствовать себя виноватым за любую смерть на планете. Спустя четверть века стало понятно, что к этой мысли его подводили целенаправлен-

но. Но тогда мы, московские журналисты, почти плакали, искренне сочувствуя литовцам. Кто был убийцей, а кто жертвой, в 1991-м было понятно без слов.

Советский Союз дышал на ладан, Михаил Горбачев, казалось, сделал одну из последних попыток его «сохранить»: дал приказ псковским десантникам и спецназу КГБ «Альфа» в ночь на 13 января 1991 года захватить литовские телекоммуникации, прекратив тем самым вещание «свободолюбивых голосов». Узнав про жертвы, последний Президент СССР от всех своих приказов отрекся, сказав знаменитую фразу: «Я «Альфу» в Литву не посылал!» И «Альфа», не зная до этого за всю свою историю ни одного прокола, возвращалась в Москву незнамо кем...

Двадцать лет об этой истории в России никто не вспоминал, пока летом 2010-го в венском аэропорту по требованию Литвы не был задержан экс-командир «Альфы» Михаил Головатов. Тогда-то и выяснилось, что Литва тихой сапой подготовила целый список людей, причастных к событиям января 1991 года. С чего вдруг? Во-первых, многим литовцам не нравится та страна, которую они построили: люди уезжают почти массово – национальный дух нужно было как-то срочно укреплять. Во-вторых, изо всех дыр лезли факты, которые не вписывались в обкатанную легенду: то в одной книге напишут, что по толпе стреляли не советские солдаты, а неизвестные снайперы с крыш, то в другой напомнят об их американских инструкторах.

Вот так уродливо и нелепо выглядела довольно странная со стороны Михаила Горбачева попытка «спасти» Советский Союз. Фото из архива Г. Сапожниковой.

«На совести Ландсбергиса и Аудрюса Буткявичюса (тогдашний директор Департамента охраны края. – Г. С.) – кровь – тринадцати жертв. Это по их воле несколько десятков переодетых пограничников были размещены в вильнюсской телебашне. Они стреляли сверху вниз по толпе боевыми патронами. Я собственными глазами видел, как отска-

кивали от асфальта пули и пролетали рикошетом мимо моих ног. О том, как все было, мне рассказывали и несколько пострадавших пограничников. Они пытались восстановить правду через прессу, но ничего не могли доказать, поскольку были вычеркнуты из числа защитников...» – написал в 2004 году в книге «Корабль дураков» литовский писатель Витаутас Петкявичюс, который, будучи одним из основателей и лидеров «Саюдиса», позже полностью в нем разочаровался. Интересно, что после смерти Петкявичюса Витаутас Ландсбергис стал судиться с тремя его детьми, требуя от них публичного признания в том, что их отец его оклеветал. Верховный суд Литвы признал, что дети за слова отца отвечают...

Но всего этого экс-командир «Альфы» Михаил Головатов, конечно, не знал, потому что Литва в России особенно никого не интересовала.

В ордере на его арест было сказано: «Подозревается в том, что, будучи членом КПСС, умышленно осуществляя политику другого государства (СССР), намеревался незаконно изменить конституционный строй Литвы». Не увидеть нестыковки было невозможно: в январе 1991-го Литва официально была частью СССР, а закон, в нарушении которого обвиняют Головатова, приняли через 12 лет после случившегося. Но нет: преступление не имеет срока давности, решили в литовской прокуратуре, переквалифицировав его в «преступление против человечности». И Литва начала от-

лов «бывших» по всему свету. Поймать удалось только танкиста Юрия Меля, который теперь отдувается за всех. Список назначенных врагами до последнего времени не обнаружился – его приходилось выцарапывать по буковке.

Что с того, что Генпрокурор СССР Николай Трубин еще в мае 1991-го написал в информационной записке Верховному Совету, что никаких подтверждений того, что 13 гражданских лиц погибли от рук советских военнослужащих, литовская сторона не предоставила, что по крайней мере 6 потерпевших были убиты сверху и в спину, минимум двое задавлены автомобилями, а – вовсе не танками, еще у одного человека был инфаркт миокарда и в одном случае 7 выстрелов были произведены в уже мертвое тело (Антанаса Шимулениса – Г. С)? Расследование не продолжили, потому что развалилась страна, а после путча все 37 томов оригиналов уголовного дела были переданы Литве под завывания о вечной дружбе. И если бы не слова Альгирдаса Палецкиса и свидетелей, которых он привел в суд, – правда о событиях у вильнюсской телебашни так навсегда и осталась бы похороненной под обломками СССР, на руинах которого возвели новые корпуса институтов политических репрессий.

«Почему же вы столько лет молчали?» – задавала я один и тот же вопрос всем, кого я встречала в Литве: свидетелям на суде, таксистам, торговкам на рынке. Всем, кто все эти годы знал и про снайперов, и про крыши.

«Потому что хотели независимости», – отвечали мне при

включенном диктофоне.

«А почему сейчас начали говорить»?

«Потому что независимость оказалась хуже русского гнета», – говорили при выключенном...

Что имели в виду?

За 20 лет независимости население Литвы уменьшилось почти на миллион человек. Эта брешь ощущается даже на улицах – они пусты. Уничтожены практически все промышленные заводы-гиганты, построенные во времена СССР. Производства нет. Из известных миру литовских брендов осталась только вильнюсская телебашня – как символ борьбы за свободу. Если Литву этого символа лишить, не останется ничего – ни борьбы, ни свободы.

Поэтому битва за него будет страшной.

Экс-командир группы «Альфа» Михаил Головатов: «Я воевал и знаю, как свистят пули»

– Майкл, вы когда-нибудь бывали в Литве? – офицер погран-охраны венского аэропорта взглянул на обладателя паспорта с интересом.

– Ну да, бывал, – ответил полковник запаса и экс-командир группы «Альфа».

Скрывать было нечего. Да и не хотелось: Вильнюс, как его ни затирай, навсегда останется в памяти, хотя бы потому, что там погиб один его боец. Да не просто боец – сын друга...

В отличие от Литвы в Австрии чиновники оказались адекватными и, быстро поняв, что стоящий перед ними человек никак не может быть «террористом», как представляли его литовские правоохранительные органы в официальных бумагах, от греха подальше отпустили.

Так Михаил Головатов, а вместе с ним и весь мир узнал, что в Вильнюсе затевается грандиозный судебный процесс, в котором он назначен одним из главных преступников.

Почему закон в Литве имеет обратную силу?

– *Как это возможно – 20 лет Литва не предъявляла*

вам никаких претензий и вдруг подала в международный розыск?

– Нет, предъявляла. В 90-е годы Александр Коржаков, который был тогда руководителем службы безопасности Ельцина, мне неоднократно объявлял: «Каждый раз, когда Борис Николаевич Ельцин встречается с Ландсбергисом, тот говорит: «А почему у вас командиром «Альфы» до сих пор является Головатов, который принимал участие в вильнюсских событиях?», требуя моего отстранения. На что я ему отвечал: «Какое отношение Ландсбергис имеет к России? Я был военным служащим Советского Союза, а сейчас – Российской Федерации, и выполнял свой долг честно». Поползновения начались сразу же, с марта 1991 года, и мне, если честно, непонятно, почему Борис Ельцин занял позицию, что мы будто бы осуществляли какие-то насильственные действия в отношении демократии. Мне был дан приказ, и этот приказ соотносился с теми действиями, которые я производил вместе со своими военными служащими. В ноябре 1992 года я ушел на пенсию и – продолжал работать – был директором совместных предприятий с британцами и американцами. Более 80 раз бывал в Лондоне, примерно 30 раз в Америке, и совершенно не считал себя человеком, который совершил преступление.

Полковника Михаила Головатова задержали в Венском аэропорту спустя двадцать лет после событий в литовской столице. Фото из архива Г. Сапожниковой.

И вот в июле 2010-го меня останавливают на паспортном контроле в Вене и показывают ордер на арест, подписанный генеральным прокурором Литвы. И в чем же я там обвиняюсь? В том, что я, будучи коммунистом, боролся с литовской независимостью! Это, напомним, был 1991 год, январь. А Литва вышла из состава Советского Союза в сентябре. Так кто лукавит? Почему закон в Литве имеет обратную силу? Законы в отношении лиц, которые подлежат задержанию, были приняты только в 2002 году, через 11 лет после вильнюсских событий.

– Та давняя история вернулась к нам не только в виде ордера на ваш арест. Тогда же начался процесс и над Альгирдасом Палецкисом, который усомнился в официальной версии истории.

– На суде прозвучали свидетельские показания, которые только подтверждают его слова. Там выступали и сотрудники МВД, проводившие съемки, и обычные женщины, которые подтверждали: да, видели, как танкисты прятались в люках после того, как начали стрелять с крыш. Их всех что – Россия подготовила? Или лично я просил о том, чтоб они давали такие показания? Нет. Вот обвинительное заключение, 700 листов – это все перечисление того, что я якобы

сделал за те три дня, которые со своим подразделением провел в Литве. Столько можно натворить только за пятилетку, наверное... Обвиняют в том, что мы чуть ли не оружейные склады вскрывали и грабили охотничьи магазины. У нас что, своего оружия не было? Как это совместить с обвинениями литовской генпрокуратуры в преступлениях против человечности?

«Мы были в своей стране и оружия применять даже и не думали»

– Какая перед вами в 1991 году ставилась задача?

– Выехать в Вильнюс и провести рекогносцировку по объектам с целью их освобождения от тех, кем они были захвачены. 6 января с двумя сотрудниками группы мы выехали, к 8-му скоординировали задачи, которые должны были выполнять. Первоначально говорилось о блокировании восьми объектов: это Департамент охраны края, Дом печати, Верховный Совет и так далее. Но основной задачей, стоявшей передо мной, было освободить телецентр для возможности организации вещания на русском языке на все прибалтийские республики, потому что шла оголтелая пропаганда со стороны Ландсбергиса. То же самое касалось и телебашни. Наиболее благоприятным днем было 11 января, потому что на этот день была намечена общенациональная забастовка и большинство манифестантов находилось бы перед здани-

ем Верховного Совета. Я запросил 60 военнослужащих, которых можно было бы разделить на два объекта, что и было сделано. В оперативный штаб входил замминистра обороны Советского Союза Владислав Ачалов, первый заместитель командующего ВДВ СССР Освальдас Пикаускас, зампред КГБ Литовской ССР Станислав Цаплин. Штаб располагался в военном гарнизоне «Северный городок», где командиром дивизии был Владимир Усхопчик. Сотрудники прилетели 11 января двумя бортами, разместились в центре подготовки допризывников. Мы определили объекты, которые нужно было освободить, чтобы предоставить возможность организовывать вещание на русском языке, и время – в ночь на 13-е, доложили в центр. Я думаю, что Михаилу Сергеевичу Горбачеву о проводимой операции было доложено лично. С часу до двух ночи прошел боевой расчет, и затем мы выдвинулись по объектам, которые необходимо было освободить. В поддержку нам были подтянуты армейские подразделения, десантники из Псковской воздушно-десантной дивизии и конвойные войска, которым мы передавали объекты под охрану. Никаких других задач типа арестов перед нами не ставилось, необходимо было только освободить здания от тех экстремистов, которые их захватили, и обеспечить контроль передающего центра, чтобы не было отключения контура. Я разделил сотрудников на две части, сам находился на телебашне, потому что считал ее наиболее труднодоступной, – необходимо было подняться чуть ли не на 32-й этаж,

где находились передающие станции. Вокруг башни находилось около пяти тысяч человек...

– *Были ли сторонники Ландсбергиса вооружены?*

– То, что вокруг все было забаррикадировано, – это факт, и что манифестанты окружили здание плотным кольцом, и около телецентра, и у телебашни. Доступ туда нам должен был обеспечить генерал Ачалов с помощью подразделения, состоящего из четырех танков. Это устрашающий фактор – если танки начинают двигаться, то здравомыслящие люди должны расступиться.

– *А на чем к телебашне ехали вы?*

– На крытом 131-м «ЗИЛе». Это был элемент тактики, который дал бы возможность нам туда зайти, – ни танковое подразделение, ни подразделение десантников к телебашне пробиться не могли. Минуя толпу, продвинулись с тыльной стороны. Там не было такого скопления народа, и мы смогли десантироваться. Мы были радиофицированы, управление осуществлялось по индивидуальным радиостанциям, вмонтированным в каски. Разбив стекла, проникли внутрь и столкнулись с физическим сопротивлением.

Витаутаса Ландсбергиса считают одним из главных вдохновителей трагедии в Вильнюсе в январе 1991 года. Фото из архива Г. Сапожниковой.

Мы воевали в Афганистане и считались людьми подготовленными, но здесь были в своей стране и оружия применять даже и не думали. Приемами рукопашного боя оттеснили с первого этажа людей, которые захватили башню. Они запустили систему пожаротушения и инертный газ. Мы были экипированы и надели противогазы, но вот сами они находиться там уже не могли. И, если по пожарным нормативам до 32-го этажа необходимо дойти за 39 минут, наши сотрудники уже через 15 минут доложили, что все под контролем. Ни военнослужащие псковского полка, ни сотрудники

группы «А» не применяли оружия. Исключено. При массовых беспорядках это бессмысленно – это только озлобит толпу.

Один на минус

– *Вы были в курсе, что в это время происходило около телецентра?*

– В районе трех ночи слушаю доклад о действиях на втором объекте, слышу: один на минус – то есть один человек получил ранение. Это был лейтенант Виктор Шатских. Он шел в замыкающей части, пуля от автомата Калашникова прошла через бронежилет в спину. Спроси меня по прошествии 20 лет, кто стрелял и случайный ли это был выстрел, – я не отвечу... Возможности его эвакуации в госпиталь не было: толпа таким плотным кольцом окружила телецентр, что «Скорая помощь» не могла пробиться 40 минут. Когда его доставили в городскую больницу, он скончался от потери крови...

– *А стреляли в него из чего?*

– Из автомата Калашникова. Пули калибром 5,45.

У нас было штатное вооружение: у меня как у руководителя – пистолет Макарова, сотрудники же вооружены или снайперской винтовкой, или 5,45-мм АК. Но Виктор Шатских шел в замыкающей части, последним, а не в передовом отряде штурмующих – за ним никого из наших бойцов не

было, то есть от случайной пули своих товарищей он погибнуть не мог. После доклада о Шатских (он был возле телецентра) и у нас на телебашне началось то, что на сегодняшний день называется «Свои стреляли в своих». Пошли доклады от руководителя оцепления, в котором стояли конвойные войска, что идут выстрелы с близлежащих домов и имеются раненые со стороны гражданского населения. Механики-водители боевых машин и танков, которые находились в непосредственной близости от телебашни, докладывали в штаб, а штаб – мне, что идет стрельба по боевой технике. Военнослужащие, которые ею управляли, закрыли люки и спрятались внутри. Я свою задачу выполнил, доложил в штаб о том, что мы сдали объект под охрану конвойным войскам.

– А не могла ли вступить в игру третья сила? Какие-нибудь убежденные советские патриоты?

– Исключено. Я это ответственно заявляю – я же участвовал во всех подготовительных мероприятиях и совещаниях!

– Из какого оружия велась стрельба?

– Не из армейского, это было ясно по хлопкам. Это был не автоматический огонь, а одиночные выстрелы. Я до этого 20 лет отвоевал и знаю, как свистит пуля и чем отличается выстрел, который идет из гладкоствольного оружия от выстрела из винтовки. Так вот, с крыш стреляли из гладкоствольного. Потом стало известно, что там были винтовки Мосина, потому что трасологические экспертизы были про-

ведены сразу же, когда Литва еще была в составе Советского Союза. Дальше было так: я доложил, что мы сдали объект под охрану и выдвигаемся на место дислокации. Сказал, что поедем только на бронетранспортерах, – поскольку сам наблюдал вспышки на крышах. Подошло три БТР, мы разместились в десантных отсеках и в 4.30 утра выдвинулись в штаб дивизии. В четырех местах в нас с мостов бросали бордюрные камни. Представьте, что было бы, если бы мы шли на «УАЗе», под брезентом, – насмерть не убило, но личный состав покалечило бы.

Вернувшись на базу к пяти утра, мне пришлось еще в течение двух часов выцарапывать из морга городской больницы тело Виктора Шатских, которое нам не выдавали. Его удалось забрать только через военную прокуратуру Вильнюса.

«Это не свадьба, а похороны»

– А сколько Виктору Шатских было лет? И как он попал в «Альфу»?

– Двадцать один год. Получилось так, что захваты заложников, которые шли в зонах следственных изоляторов, случались в тот период настолько часто, что МВД с этим не справлялось. И тогда стали привлекать нас. Нам приходилось выезжать и проводить командно-штабные и тактические учения, связанные с освобождением заложников

на воздушном и железнодорожном транспорте или в общественных местах по всему Советскому – Союзу. Во время занятий, которые проводились в Витебске на базе Витебской десантной дивизии, я познакомился с Шатских Виктором Алексеевичем, отцом Виктора. Сам он был из погранвойск, а его сын окончил Голицынское военно-политическое училище, откуда мы планово набирали выпускников. Способный, подготовленный офицер – и стихи писал, и пел. Пришел к нам в августе, а в январе погиб, прослужив только шесть месяцев. Не женат был. Остались мать, отец и сестра...

15 января двумя бортами, которыми прилетели, мы вернулись в Москву. Во «Внуково» нас встречали командир «Альфы» Виктор Карпухин и отец Виктора Шатских, Виктор Алексеевич. И для меня уже тогда был звоночек – если с любой операции, с которой мы возвращались раньше, нас встречал кто-то из нашего управления или представитель центрального аппарата КГБ, то здесь мы в течение сорока минут стояли на летном поле, выгрузив гроб, около которого были только Карпухин и отец погибшего лейтенанта. 17-го хоронили Шатских. В январе 1980 года во время похорон сотрудников, которые погибли в Афганистане, процессия тянулась на 8 – 10 километров, но здесь я получил команду, что нужно обеспечить как можно меньше людей. На что я сказал: это не свадьба, а похороны. Кто придет, тот и придет... Если раньше мы были там, где беда, – в союзных республиках, – то здесь беда была уже в самой Москве. Это

был январь 1991 года.

Горбачев всех переиграл

– Как раз в те дни, когда Михаил Горбачев сказал, что он «Альфю» в Литву не посылал?

– Утром 7 января делегация, состоящая из представителей Литвы, вылетела во «Внуково» тем самым бортом, на котором прилетели мы, они должны были встретиться в Москве с Горбачевым. Но Горбачев всех переиграл. Он поручил это председателю Совета национальностей Рафику Нишановичу Нишанову, и представители Литвы, поцеловав дверь, вернулись домой, так и не встретившись с президентом. Последний потом заявил, что в первый раз об этом слышит. Но у меня была другая информация – что в Литве должно было быть введено президентское правление. Именно на это все было и нацелено – дать возможность вести телевещание, потому что будет обращение Горбачева. А потом Михаил Сергеевич заявил: «Я в первый раз об этом слышу»... Ну если штаб с ним разговаривал в ночь на 13 января! Я пока еще при памяти, и не 50 лет прошло, а всего 25. Ни руководство спецслужб, ни армейское командование не могли принять самостоятельного решения о применении силы на территории Союза без санкции Горбачева. А тот на голубом глазу заявляет, что не знал ни о событиях в Прибалтике, ни в Тбилиси, ни в других горячих точках...

– Вы тем же утром поняли, что эти 13 трупов навесят на вас?

– Нет. Это началось уже после возвращения в Москву. Изначально пошла информация о том, что там были не убитые, а раненые – кто-то попал под колеса боевых машин, когда двигалась техника по Вильнюсу. И не о 13 человеках говорили, а о 5–6 убитых стрелковым оружием.

– Теперь уже не скрывается, что Литве в тот момент нужна была сакральная жертва. Аудрюс Буткявичюс, бывший тогда директором Департамента охраны края, подтвердил в интервью, что с 1987 года он был знаком с теоретиком «цветных» революций Джинном Шарпом и что в Литву наезжали американские эмиссары. Неужели никто не знал, что с литовской стороны готовилась провокация? Почему стало неожиданностью, что боевики стали стрелять с крыши?

– Я думаю, что у тогдашнего литовского КГБ не было агентуры, которая абсолютно точно довела бы до сведения председателя, что именно готовится. Предположения были, но точных данных не было. Если бы я был информирован о возможном применении со стороны «Саюдиса» оружия – я что, не выставил бы снайперов, не противодействовал бы тому огню, который велся с крыш? Имея на вооружении снайперские винтовки с ночными прицелами, вычислить снайпера было бы несложно...

Зачем маршала Язова объявили в международный розыск?

Было бы слишком просто написать, что, получив почтовый конверт из Литвы и прочитав в «Уведомлении о подозрении» свою фамилию, маршал Советского Союза Дмитрий Язов застыл в изумлении... В 90 с лишним лет человека вообще уже трудно удивить. Тем более такого – последнего в истории СССР маршала, прошедшего фронт и отсидевшего два года в тюрьме по подозрению в измене Родине. Но в обвинительном заключении, которое пришло на домашний адрес бывшего министра обороны СССР, было написано, что в январе 1991-го Язов, «действуя по предварительному сговору», совместно с председателем КГБ В. Крючковым, министром внутренних дел Б. Пуго и еще 54 другими весьма достойными людьми «организовал заговор, пытаясь свергнуть государственный строй в Литовской Республике», «умышленно убил 13 человек» и еще несколькими сотням «причинил физическую боль и нанес тяжкие телесные повреждения»... Заочно нанес, поскольку в Вильнюсе никогда в своей жизни не был.

«Навести в Литве порядок»

– Дмитрий Тимофеевич, позвольте вернуть вас к событиям 25-летней давности, когда начали рушиться основы Союза и окраины забурлили. Что вы там, в Литве, натворили?

– Расскажу вам такую историю: находясь во Франции в октябре 1990 года (по приглашению тамошнего министра обороны), я был на приеме у президента. Выхожу с приема – стоит делегация, человек 10–15, с литовскими флагами. Сразу – вопрос ко мне: «Господин Язов?» Я говорю: «Я не господин». – «Ну как вас там? Товарищ министр!» – «Слушаю». – «У нас есть сведения, что ваши десантники напали на госпиталь в Каунасе».

Позже я узнал, что там находились несколько десятков солдат, убежавших из Советской армии, литовцев по национальности. Их, вероятно, готовили для вооруженной команды. Наши десантники вернули их в свои части. То есть открытый факт дезертирства и неповиновения уже тогда на Западе преподносили как «нападение».

Маршала Язова литовское правосудие обвиняет в том, что он «умышленно убил 13 человек», хотя он в Вильнюсе никогда не был. Фото Г. Сапожниковой.

В декабре 1990-го в Москве была 4-я сессия Верховного Совета СССР. Приезжал Ландсбергис и начальник Департамента охраны края Литвы Буткявичюс. И ни с того ни с сего вдруг пригласили меня и главнокомандующего Сухопутными войсками Валентина Варенникова в постоянное представительство Литовской ССР в Москве. Я спросил разрешения у Горбачева. Он говорит: «Да черт с ними, сходите, послу-

шайте, что они хотят». Мы пришли. Разговор вроде был нейтральный. Потом они поставили вопрос прямо: а если наш народ поднимется, как будет действовать ваша армия? Я говорю: никаких указаний насчет этого не было. Если прикажут – будем изолировать тех, кто выступает против советской власти.

– *И тут наступил январь 1991-го...*

– В Литве обстановка нагнеталась. Примерно числа 9-го Горбачев пригласил меня, Крючкова и Пуго поговорить о том, какие принимать меры, чтобы прекратить этот шабаш антисоветской деятельности. Президент СССР как гарант соблюдения Конституции, безусловно, имел на это право. И на следующий день он приказал навести в Литве порядок. Там у нас находилась 107-я стрелковая дивизия, командовал которой генерал Усхопчик, а начальником артиллерии был полковник Масхадов (тот самый, который потом возглавлял чеченских сепаратистов. – Г. С.). Я туда направил генерала Варенникова и заместителя министра обороны Ачалова, который должен был сменить меня на посту министра обороны, поскольку мне уже было под 70. Они докладывают о массовых беспорядках и выдвижении нашей военной колонны к телецентру, чтобы обеспечить действия группы «Альфа». С этой телебашни велась постоянно антисоветская пропаганда, все критиковалось, высмеивалось. Туда был направлен небольшой отряд, человек 30 из «Альфы», специально для того, чтобы занять башню. И надо было оказать

помощь войсками. Выдвинули несколько подразделений из 107-й дивизии. Наши еще не успели подойти, как оттуда начали одна за одной отходить санитарные машины. Одновременно по войсковой колонне полетели камни, бутылки с зажигательной смесью, а с крыш прилегающих домов был открыт огонь по толпе и бронетранспортерам. Солдаты укрылись под броней.

Наутро выяснилось, что убиты 13 местных жителей и смертельно ранен лейтенант Шатских из группы «Альфа», причем в спину... Приехали представители Генпрокуратуры, я приказал прибыть туда военным врачам, мы хотели освидетельствовать каждого: кто, во что и как был ранен? Но ни прокуратуру нашу, ни врачей к осмотру не допустили. Литовцам надо было обязательно доказать, что мы имели ко всему этому отношение.

Варенников, Ачалов мне докладывали: ни одного выстрела никто не производил. А по ним стреляли.

– В Вильнюсе были местные органы милиции, органы КГБ. Зачем при таком букете силовых структур потребовалось использовать еще и армию?

– Все дело в том, что 11 марта 1990 года литовцы уже себя объявили независимыми. Местные правоохранительные органы перестали работать. Все, включая КГБ, подчинялись Ландсбергису.

– Может, все было рассчитано на то, чтобы втащить армию в эту воронку?

– На то, чтобы создать недовольство народа. Надо было убрать войска с территории Литвы. А как убрать? Пролить кровь, провокацию сделать. Вот они и сделали. Они нас обыграли. Убили своих для того, чтобы выиграть.

«Зато никто никого не убил»

– *В печати то, что случилось в Вильнюсе, называли «петицией августовского путча».*

– До путча еще много чего произошло. Можно сказать, что к тому времени было ликвидировано Политбюро. Горбачев, став президентом, создал Политбюро из секретарей компартий республик. В Литве Компартия разделилась на две части, поэтому было целых два представителя. Каждый стремился во что бы то ни стало быть самостоятельным. И разработанный Устав Союза Суверенных Государств не находил единогласной поддержки. Горбачев думал так: несколько республик документ подпишут, а остальные никуда не денутся. И решил 19 августа 1991 года пригласить первых секретарей пяти республик Средней Азии и России, чтобы подписать Союзный договор. Остальные не соглашались.

Мы об этом знали, все члены правительства, в том числе и председатель Кабинета Валентин Павлов, и заместитель Горбачева Геннадий Янаев. Кстати сказать, сам этот Союзный договор был опубликован вечером в пятницу, когда все на

дачу уехали. В субботу – воскресенье этот договор никто не читал. А в понедельник уже надо было его подписывать. Короче говоря, хотели народ обмануть. Мы, значительное большинство членов правительства, собрались на объекте КГБ, обсудили обстановку. Она была критической. Не утихли еще события в Азербайджане и Армении, Нагорный Карабах захватили армяне, азербайджанцы выгнали из Баку всех армян. Не все было в порядке в Фергане, в Киргизии и Узбекистане, в Крыму. В Грузии турки-месхетинцы хотели занять свои земли. В общем, обстановка была очень напряженной, прежде всего по национальному вопросу. Но вместо того чтобы принять меры для стабилизации ситуации, Горбачев начал разрабатывать договор о суверенных государствах. Шаймиев (Татарстан) и представители других республик задались вопросом: а мы чем хуже? Мы тоже хотим быть самостоятельными! А как еще должны были реагировать республики, которые находятся внутри России? Мы считали, что, подписывая этот договор, мы разрушали Советский Союз.

17 августа в Форос к Горбачеву полетели Шенин, Бакланов, Варенников, Плеханов и Болдин. Я должен был оставаться в Москве – в случае возможного ракетного удара кому-то же надо было быть на месте. Горбачев их долго не принимал, потом принял, спросил: «Зачем приехали?» Каждый объяснил ему, что надо принимать меры для сохранения страны, что воля народа – это высшая воля для руководства. Он их обругал: «Делайте что хотите». Это было в субботу.

В воскресенье, 18-го, я организовал охрану телецентра, но никто выступать на телевидение не поехал. Вместо этого включили «Лебединое озеро».

Потом мне вдруг звонит командующий ВДВ Павел Грачев: Ельцин просит охрану. Я отправил батальон. И подумать не мог, что это преподнесут как подтверждение того, что армия хотела штурмовать «Белый дом». Показывали потом фильм: сидит Мстислав Ростропович с автоматом, а на коленях у него спит солдат... А штурмовать их никто и не собирался!

Собрались мы в кабинете у моего зама Владислава Ачалова. Приехал ко мне маршал Ахромеев: что происходит? Я говорю: да ничего, собственно, не происходит – мы хотим не дать развалить Советский Союз. Но пока Горбачев против того, чтобы вводить чрезвычайное положение, и сейчас товарищи думают, каким образом повлиять на то, чтобы не было подписания пятью республиками этого договора. Я поехал в Кремль, в кабинет к Павлову. Подписание договора было сорвано. Мы опять полетели к Горбачеву. Я знал, что по возвращении в Москву меня будут арестовывать, мне сообщили по телефону прямо в самолет. По летному полю уже бежали в милицейской форме солдаты. Баранников (глава МВД РСФСР. – Г. С.) попросил меня пройти в комнату, где сидел прокурор Степанков. «Оружие есть?» – «Нет». – «Вы арестованы».

Можно было, конечно, послать их подальше и идти в ма-

шину. Ачалов мне звонил и спрашивал: «Хотите – захватим аэродром?» Я сказал: не надо. Если бы захватили аэродромы, могли бы развязать войну. Я на это не пошел. Зато никто никого не убил.

И опять стреляли с крыш!

– Когда мы находились в «Лефортово», стало ясно, что три человека в Москве погибли. Причем опять кто-то стрелял с чердака. Но наши военные не могли стрелять. Значит, стреляли или по распоряжению Ельцина, или американского посольства.

– Точно как в Литве... А вы, кстати, во время операции в Вильнюсе вели учет, сколько было выпущено патронов?

– Ни одного. Никто не стрелял, на руки боевые патроны не выдавались. Когда начали разбираться, там были только пули из винтовок, из автомата ППШ и из охотничьих ружей.

– Слова Горбачева о том, что в Вильнюсе надо разбираться, вы восприняли как прямое руководство к действию. А как дальше обстояло? В ночь на 13 января, когда шла операция, вы ему сообщали об этом или он был в неведении?

– Горбачев все знал. Мне сказал: принимай меры. Я, повторюсь, направил туда Варенникова и Ачалова. И позвонил Усхопчику: вы несете ответственность за все. До 13-го числа никто из военных никуда не выезжал и по городу не то что не стрелял, а даже не ходил, чтобы не спровоцировать

ситуацию.

– Порядок операции разрабатывался заранее, или это было некое спонтанное решение?

Два коммуниста: первый президент независимой Литвы Альгирдас Бразаускас и последний Президент СССР Михаил Горбачев. Казалось, все говорило о том, что развода не будет. Фото из архива Г. Сапожниковой.

– Ничего заранее не разрабатывалось. Ведь не вся «Альфа» ходила туда, а всего-навсего человек 30. И дивизия не вся – может быть, один батальон и не больше. Мне доклады-вали, что по городу ходит очень много санитарных машин.

Но сколько было убитых и сколько раненых, из наших никто не знал.

– Так вы докладывали Горбачеву ночью?

– Все время докладывал. Когда он звонил, докладывал.

– Это был уже третий конфликт на территории СССР.

До этого еще пролилась кровь в Баку и произошла мутная история в Тбилиси. Технология была одна и та же, или те конфликты качественно отличаются от литовского?

– Расскажу. В январе 1990-го вызывает Горбачев меня, председателя КГБ СССР Крючкова и министра внутренних дел Бакатина и приказывает немедленно лететь в Баку, ввести чрезвычайное положение, навести порядок. Мы тут же поехали на Чкаловский аэродром и через 2 часа были там. Телевидение не работало, его кто-то вывел из строя. Через 2 или 3 дня наладили Первый канал. Но Народный фронт уже все организовал по-своему, повелев перекрыть военным дорогу. И тут мне докладывают: бронетранспортеры идут с закрытыми люками, потому что стреляют из всех окон и с крыш...

295-я мотострелковая дивизия была поднята по тревоге. В военном городке «Красный Восток» на строевом плацу находились солдаты. С крыши детской больницы по ним был открыт огонь. Несколько военнослужащих были ранены и убиты.

– И опять стрельба с крыш? Но у нас же была масса умнейших специалистов – почему они не видели, что раз за

разом повторяется одна и та же схема?

– Скажите, возле вильнюсской телебашни кто-нибудь из наших мог взобраться на чердак? Нас же не пускали туда! Так же и в Баку. Госпиталь, с крыши которого стреляли, находился за пределами военного городка. Когда мы туда забрались, на крыше уже никого не было.

Взлет без посадки

– История о саперных лопатках в Тбилиси из этой же серии?

– Там было немножко по-другому. Собралось бюро ЦК во главе с первым секретарем Патиашвили и приняло решение: – просить командующего войсками Закавказского округа Игоря Родионова освободить площадь от митингующих. Солдаты шли цепью. В них начали бросать камнями. Они саперными лопатками прикрывали лица. Оттесняли толпу бронетранспортерами. Подавили друг друга сами люди. Потом тот же самый Патиашвили выступил на сессии Верховного Совета и рассказал: за одной старухой десантник якобы бежал километра три... Затем объявили, что люди умерли от удушающих газов. Химики проверили: никаких газов там не было. Все погибли от сдавливания, но вину возложили на военных. Патиашвили, который сам принимал решение, все свалил на генерала Родионова.

– Почему же вы не отбили эту информационную атаку?

– Мы делали все возможное. Но разобраться послали не меня, а Шеварднадзе. Они и «разобрались» так, что во всем будто бы была виновата армия. Потом еще поехала комиссия из Верховного Совета, которую возглавлял Собчак. Комиссия установила, что люди действительно погибли в результате сдавливания. Но нам указали: «Почему послали бронетранспортеры? Надо было по радио объявлять, чтобы все разошлись». В общем, нашли форму, чтобы обвинить армию.

– Итак, за каких-то два года были предприняты сразу несколько операций по дискредитации армии. Почему вы еще тогда не сделали это достоянием общественности? Или общественность не хотела вас слушать?

– Мы ничего без ведома Верховного главнокомандующего делать не могли. Горбачеву было тяжело: в то время у страны было слишком много проблем. И насчет Тбилиси он лично мне ставил задачу, и насчет Баку, и насчет Вильнюса. Когда начали перестройку, никто не знал, что она собой представляет. Писатель Юрий Бондарев, выступая на сессии, сказал: перестройка – что-то вроде самолета, который взлетел, но не знает, где сесть, не указан аэродром. Так и тут. Объявили перестройку, а что она означает, какой будет конец? А концом было, оказывается, разрушение Союза.

– Вы собираетесь защищаться? Каково вам вдруг чувствовать себя в шкуре военного преступника? Или уже все равно, что там надумала литовская прокуратура?

– Конечно, не все равно. Но как защищаться? Я в Вильнюсе ни разу не был. Ехать туда, доказывать, что я никого не убивал? Скажут: вы давали команду... Я давал команду, чтобы навели порядок, – а под этим можно все что угодно придумать. Мы точно знали, что в Баку и в Вильнюсе стреляли по нам. Но мы ни по кому не стреляли. За что судить-то?

(Интервью взято совместно с Виктором Баранцом.)

Помощник Горбачева Георгий Остроумов: «Модель развала СССР была заимствована у Прибалтики»

«Михаилу Сергеевичу о событиях в Литве больше сказать нечего. Он все сказал», – устало прокомментировал его пресс-секретарь очередную, миллионную по счету и совершенно бесперспективную попытку прессы добиться ответа Горбачева на вопрос – давал он команду «построить» Литву или нет?

Обозреватель «КП» Александр Гамов, который не разбрал у первого и последнего Президента СССР интервью, по моей просьбе задал ему несколько вопросов. Вот что ответил Михаил Сергеевич: «Все разговоры о том, что я там дирижировал, какой-то план осуществлял, точно так же, как и путч организовал... Ну что за дурак Горбачев? Мы программу по выходу из кризиса составили. Ее даже поддержали прибалтийские страны. Договор новый подготовили и опубликовали в газете. В партии провели пленум в июле. И на ноябрь очередной съезд назначили, чтобы реформировать. Мы вышли на широкую такую дорогу... И спрашивается, зачем же Горбачеву надо было, когда идет процесс острый, но позитивный, из-за угла стрелять то по одним, то по другим? Неужели не поняли Горбачева? Как раз знали его слабую сто-

рону и называли это нерешительностью. Но как только где убивали людей при беспорядках – так Горбачев... Уже спустя некоторое время после всех этих событий была какая-то годовщина создания группы «Альфа». Пришла группа «альфистов» ко мне, говорят: «Михаил Сергеевич, мы издали книжку». И там все это описано. И оказывается, что, помимо решения Политбюро, Язов и Крючков договорились подтянуть силы и быть готовыми на всякий случай для удара.

– *В Вильнюсе?*

– В Вильнюсе. Программа написана от руки в тетради.

– *А вам докладывали тогда, что стрельба у телебашины была провокацией «Саюдиса», а не делом рук советских солдат и «Альфы»?*

– Мне говорили уже тогда, что это в спину стрельба была».

Помощник Михаила Горбачева Георгий Остроумов считает, что в трагедии в Вильнюсе его шеф был заинтересован меньше всего. Фото Г. Сапожниковой.

Вот такой был разговор. Ничего нового о той истории Михаил Сергеевич явно больше не расскажет.

Поэтому голосом Горбачева будет его помощник Георгий Сергеевич Остроумов, который согласился держать удар вместо своего шефа.

Репетиция ГКЧП

– Меньше всего Горбачев был заинтересован в том, чтобы в Вильнюсе произошли эти события, – решительно заявил Георгий Сергеевич, как только зашел в редакцию.

– Разве десантники могли действовать самостоятельно?

– Они не самостоятельно действовали! Вот какие документы были найдены после того, как Горбачев ушел в отставку: десантники ему прислали отрывки из книги Михаила Болтунова, где рассказывалось о том, что это была чисто чекистская войсковая операция. К этой операции Горбачев не имел никакого отношения. Он не давал никаких указаний и не мог давать.

Потому что это была репетиция ГКЧП. Это мое мнение.

– Мы с вами по-разному понимаем эту «репетицию». Мне рассказывали такую историю: несколько лет назад в Бело-вежской Пуще Александр Лукашенко проводил международную конференцию, посвященную 20-летию событий распада СССР. И там был экс-руководитель ГДР Ханс Модров, который вышел на трибуну и сказал перед полным залом: «Во время августовского путча я был в Форосе рядом с дачей Михаила Сергеевича. Увидел по телевидению, что произошло ГКЧП, и подумал, что Михаил Сергеевич арестован. Вышел и побежал по дорожке вдоль дачи Горбачева и вижу, что... он спокойно с Раисой Максимовной гуляет вместе с

охранниками, улыбается и смеется!» Как это прикажете понимать?

– Горбачев демонстрировал публике, что он здоров! На знаменитой пресс-конференции, где у Янаева тряслись руки, было сказано: мы предоставим вам документы, которые говорят о том, что Горбачев болен. Когда Раиса Максимовна услышала об этом, ее хватил инсульт, – зная, что такое КГБ и какие у него возможности сделать из здорового человека больного. Готовились страшные вещи. Но ни один врач не пошел на то, чтобы дать фальшивую справку о болезни Михаила Сергеевича. Горбачевские силовики и Ельцин играли одну игру. Одним нужно было запачкать Горбачева всякими насильственными акциями, а другим – его убрать. Народ еще даже не успел узнать об этих событиях, как сразу пошли демонстрации «Горбачева в отставку!»

Ельцин очень спешил...

– Вернемся к Литве. Происходят литовские события. Главнокомандующий Горбачев узнает, что, помимо его воли, был послан спецназ на захват телебашни, убиты люди. Почему он не снимает Язова, Крючкова, почему не наказывает руководителя «Альфы»?

– Когда Горбачев рано утром узнал о событиях в Вильнюсе, первым, к кому он обратился, был Крючков. Тот сказал, что таких указаний не давал. Тогда Горбачев обраща-

ется к Язову. Язов утверждает, что указание на операцию дал начальник гарнизона генерал Усхопчик, что весьма сомнительно. Борис Пуго говорил о том, что из Москвы не было приказа, чтобы направить танковую колонну к телебашне. Горбачев поручает прокуратуре это расследовать.

– Если совершаются такие действия, надо было собрать Политбюро и арестовать Крючкова и Язова прямо в кабинете. Почему этого не было сделано?

– Не все так просто, как кажется. Вспомните, что творилось на улицах Москвы. Шум стоял и вой: «В отставку Горбачева!» В этой обстановке Михаил Сергеевич не считал возможным это осуществить.

– Если следовать вашей версии, что трагедия в Вильнюсе совершилась без участия Горбачева, который при этом не принял никаких мер, – то он совершил самую большую политическую ошибку. И заранее себе вырыл могилу, которая потом кончилась его отставкой и ГКЧП.

– Насчет могилы я бы был поосторожнее... Но в целом я с вами согласен.

Нельзя сбрасывать со счетов и ельцинский фактор. Модель развала Советского Союза – а именно то, что российские законы выше союзных – была Ельциным прямо заимствована из Прибалтики. Но вернусь к ГКЧП. Опубликовано личное письмо Крючкова Горбачеву, где он просит о встрече и кается в том, что совершил. Есть допрос Язова. И вдруг в ходе дела перелом – они начали отрицать свои показания

и стали все валить на Горбачева. По этой схеме действуете сейчас и вы – пытаетесь свалить все на Михаила Сергеевича. А Горбачеву это меньше всего было надо. Наоборот совершенно: Горбачев не хотел отпускать Литву. Он рассуждал так: нужно действовать в правовом поле. К тому времени был принят закон о порядке выхода из Советского Союза. Мы должны были договориться о правах русских и русскоязычного населения, а не просто так разорвать отношения и спрыгнуть, как с подножки трамвая. Кто этому мешал? Ельцин, который очень спешил...

Прорыв или проигрыш?

– А то, что Горбачев очень тесно контактировал сначала с Рейганом, потом с Бушем и беспредельно им доверял? Понимал ли он, что американцы его переиграют?

– Две великие державы, от которых зависит судьба мира, начали говорить, доверяя друг другу, – в этом колоссальный прорыв Горбачева. А вот кто кого переиграл – это вопрос большой.

– Вокруг Михаила Сергеевича было две группы. Одна либеральная – Яковлев, Шеварднадзе. Другая – та, что была потом ближе к ГКЧП. Но Яковлев всегда был близок к Горбачеву. И несколько раз открыто говорил, что его цель была «сломать хребет тысячелетней российской государственности и уничтожить коммунистическую систему изнутри».

ри».

– Я никогда не слышал, чтобы Яковлев это говорил. Но если он это сказал, это просто дикость. Нельзя верить словам, нужно верить документам. То, что Яковлев говорил о ленинско-сталинском фашизме, я точно помню. Мы разводили руками. Но представление о том, что Яковлев чуть ли не архитектор перестройки – это слишком большое преувеличение. Сейчас все действуют по принципу гэкачепистов: вали все на Горбачева. Это глупо, контрпродуктивно и провокационно.

«Он за это заплатил»

– *Если до Горбачева дошла информация о том, что в Вильнюсе стреляли с крыши, почему он тогда не защитил «Альфю»?*

– Это одна из причин, почему он не отправил в отставку Язова и никого не стал преследовать. Потому что поднялся визг и против Горбачева, и против Советской армии.

– *Почему Михаил Сергеевич не обвинил в этой провокации литовские власти?*

– Ему поступали самые противоречивые данные из разных источников. И он взвешивал: а что было бы, если бы там ввели президентское правление? Горбачев, не введя президентское правление, избежал гражданской войны в Литве.

– *Тогда зачем он посылал туда десантников?*

– Давайте скажем, что во всем виноват Горбачев, он «предатель», – как это сейчас пишут в газетках. Я это опровергать не собираюсь.

– *Но его вина как политического лидера однозначна...*

– Фактическая вина Горбачева во всех бедах, которые произошли, несомненна, он за это уже заплатил.

Глава 2

«Литовский синдром»

25 лет спустя

Сценарии всех ЧП на территории бывшего СССР были похожи: Михаил Сергеевич Горбачев постоянно спал и был вроде как ни при чем, армия решала вопросы по своему разумению, а мирное население исключительно пело песни, нацепив на грудь разноцветные ленточки... Но вот что интересно: в декабре 1-991-го Горбачев со сцены ушел, а спектакли на территории бывшего СССР продолжились. Особенно в той части, которая касалась ненасильственных способов свержения власти. Подозрения о том, что с самыми первыми опытами «цветных» революций мы «имели счастье» встретиться еще в конце 80-х, в виде «поющих» революций в Прибалтике, возникали уже давно. Но автор всей этой технологии, американец Джин Шарп, лично мне на таллинских улицах ни разу не встретился. А оказалось, что искать его надо было не в Таллине, а в Вильнюсе.

Аудрюс Буткявичюс: «Мы испортили русским картинку»

Выяснилось это случайно – в интервью с политтехнологом Аудрюсом Буткявичюсом, который в начале 90-х занимал в Литве должность директора Департамента охраны края и которого, кстати, называют главным режиссером той январской драмы.

Личность яркая и неординарная, по образованию – врач-психотерапевт, он в 2000 году дал весьма откровенное интервью литовской газете «Обзор», в котором признался в том, что 13 января 1991 года на жертвы среди гражданского населения пошел сознательно. О чем не жалеет: эти смерти «нанесли такой сильный удар по двум главным столпам советской власти – армии и КГБ», что те уже не оправились. «Да, я планировал, как поставить Советскую армию в очень неудобную психологическую позицию, чтобы любой офицер стал стыдиться того, что он там находится». Надо признать, ему это удалось... Потом Буткявичюс говорил, что журналистка все выдумала и даже немножко сошла с ума, но опровержения у газеты так и не потребовал.

Любимый ученик Джина Шарпа Аудриус Буткявичюс теорию своего учителя успешно применил на практике. *Фото Г. Сапожниковой.*

Мы встречались с ним несколько раз, каждый раз возвращаясь к одной теме, – так что беседа, которую вы прочитаете ниже, составлена из нескольких интервью. Мы ругались и ссорились, четко понимая, что навсегда останемся по разные стороны баррикад, – что, впрочем, не мешало нам разговаривать, потому что противника, тем более умного и опытного, следует уважать.

Это не было революцией!

– Как же я хотела посмотреть на человека, который видел живым Джина Шарпа!

– Не только видел, но даже был у него в гостях! В середине девяностых я работал у него целый год в Бостоне, в Институте Альберта Эйнштейна.

С Джином Шарпом и его коллегами мы начали переписываться еще в 1987 году. Я тогда трудился в лаборатории – психологических и социологических исследований в Каунасском кардиологическом институте, меня интересовала психологическая война, а он создавал технику, позволяющую использовать большие группы людей при гражданском неповиновении властям. Я в то время лез в политику, мне это стало интересно.

– Как же вы в годы тотального, как рассказывают, контроля умудрились свободно общаться с иностранцами?

– Были письма, выезжали за рубеж люди. Литовская эмиграция была достаточно большой. Первый раз мы увиделись с Шарпом уже в Вильнюсе. Он сам приехал сюда в феврале 1991 года.

– В самое что ни на есть время «поющей» революции?

– Это не было революцией. Это была еще одна волна национально-освободительного движения. После того, как Речь Посполитая была разделена, каждые 30 лет у нас были вос-

станции. В 1795 году, в 1830-м и так далее.

– Было ли то, что мы наблюдали с 1988 по 1991-й на территории Прибалтики, изготовленной по классическому рецепту Джина Шарпа «цветной» революцией? Той, что потом повторилась в Сербии, на Украине, в Киргизии и Грузии?

– Точно нет! Мы использовали много техник, которые описывал Шарп. Но этими техниками пользовались люди в разных странах – и буддистские монахи, и студенты во время сопротивления в Чехии и Польше, и даже в разных странах Африки. Просто Шарп объединил весь этот опыт и создал стройную теорию, сделав настоящую стратегию психологической войны, когда гражданское неповиновение используется как главное оружие. Он создавал инструмент, помогающий людям бороться против властей, за свои идеалы. Это не научный подход, а скорее религиозный.

Я был счастлив тем, что занялся этим серьезно. Имея медицинское образование с уклоном в психологию, я понял, как можно использовать идею. И что власть очень зависит от людей. Стоит человеку перестать повиноваться, как вся сила власти уходит. Научить человека не бояться, чувствовать локоть рядом стоящего – вот это была моя задача. Сам Шарп таких вещей никогда не организовывал. Он просто гениально понимал важность этого процесса. Получился совсем неплохой конгломерат: с одной стороны, люди готовы были принимать его теорию на вооружение. С другой – были книги и разработки Шарпа. И с нашей стороны – хорошая

организационная сила.

«Мы переиграли Москву»

– *Вы работали параллельно во всех трех республиках?*

– Когда мы начинали, в Латвии и Эстонии контактов у него не было. Практически мы приняли на себя роль распространителей его идей. В 90-х годах я стал директором Департамента охраны края, потом министром обороны Литвы. Создавая департамент, я решал для себя вопрос – как действовать? Копировать стратегию большого государства или создавать смешную армию, которая будет вооружена мушкетерами XIX века, думая, что сможет что-то сделать против советских войск? Для себя я ответил однозначно, что таких ошибок, которые делали наши отцы и деды, мы себе позволить не можем.

Для нас очень важно было использовать приемы психологической войны. До августовского путча в Москве использование техник гражданского неповиновения было основной нашей стратегией. У нас были небольшие вооруженные подразделения, но они были больше предназначены для того, чтобы не дать повода говорить, что Литва не сопротивлялась оккупации. Шарп был одним из самых полезных людей, которые пришли нам на помощь. Очень часто его именем спекулируют, не понимая, что он всего лишь сформулировал принципы.

– Но технологии Шарпа исключают кровь. А 13 января 1991 года в Вильнюсе кровь пролилась...

– Вы неправильно поняли. Исключается возможность использовать вооруженные силы или причинять физический ущерб. Но если идет разговор о силе моральной, психологической, экономической, финансовой – то, наоборот, это все как раз является действенным началом. Мы достаточно хорошо знали, какие действия предпримет противник, надеясь на то, что в Литве произойдет конфликт между литовцами и русскими, и армия с целью защиты национального меньшинства придет наводить порядок. Советские структуры безопасности готовились к событиям именно по такому сценарию и пригласили в Литву иностранных журналистов засвидетельствовать правомерность использования военной силы. Но мы переиграли по-другому: убедили местных русских не участвовать в игре на стороне коммунистов. У Горбачева и его команды все было готово, кроме одного, – не появились русские, которые пошли бы на стычку с литовцами. А так как команда была уже дана, танки выехали и вонзились прямо в толпу людей, которые окружали телевизионную башню. Эту картину снимали иностранные журналисты и телевизионщики. Создавать что-либо нам было просто незачем.

– Почему же тогда вас называют режиссером тех событий?

– В действительности мы поменяли местами всего один

кадр в замысле противника – не позволили местным русским участвовать в игре по сценарию Москвы и испортили им всю картинку. Вот в этом и была моя режиссура. Не я же дал команду палить из пушек в мирном городе! Я принимаю на себя ответственность только за то, что мы пользовались техникой ненасильственной борьбы в ситуации, когда люди могли погибнуть. У меня много русских друзей, которые в то время были вместе со мной. Я создавал тогда так называемый интернациональный батальон, в котором было очень много русских – 500 человек из Москвы и из Питера. Они смеялись, что я их брошу первыми против бронетранспортеров и танков. Потому что после этого я смог бы вовлечь в войну против коммунистов всю Россию. И они были правы, я бы сделал это.

Сценарии всех «цветных» революций были похожи, как и их последствия... *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

«Стрелки были не наши»

– В суде по делу Альгирдаса Палецкиса выступали свидетели, которые подтвердили, что люди гибли не от рук советских военнослужащих. Пули летели с крыши домов, в спину.

– Бросьте вы эту чепуху. Я могу вам представить тысячу свидетелей того, что было все наоборот. Просто у Палецки-са есть какая-то группа поддерживающих его людей, которые потеряли все во время распада Советского Союза. И они теперь рассказывают ерунду. Все пули, которые были вынуты из погибших или раненых людей, находятся в материалах дела. Я, как человек, который точно знал, что будет происходить, был не заинтересован ни в каких действиях, которые помогли бы противнику доказать, что они имеют моральное, психологическое или юридическое право на нас нападать. Я могу вам ответить только за свою сторону: мы не стреляли и не имели такого намерения. Если кто-то докажет, что были какие-то стрелки, надо выяснять – чьи. Я точно знал, что будет происходить. Зная, что советская вооруженная техника готовится на выезд в город, я докладывал об этом Совету государственной безопасности. Мы приняли решение использовать гражданских лиц. И я всегда принимаю на себя ответственность за то, что мы пользовались техникой ненасильственной борьбы в ситуации, когда люди могли погибнуть. Но такое решение было принято. А говорить о том, что с нашей стороны использовалось еще что-то добавочное, в виде стрельбы, это вообще глупость. Я вам задаю встречный вопрос: кто дал команду выезжать бронетехнике в город? Кто дал команду стрелять из танковых пушек? Это же не я делал!

– *Не вы... Вы, понимая, что там может быть мессиво, тем не менее отправили к телебашне людей со своими нена-*

сильственными методами, понимая, что те могут погибнуть.

– Да. Я от этой ответственности не бегу. Скажу вам более: если бы мы применяли другую технику защиты своего государства, погибло бы намного больше. Например, если бы решили защищаться, используя старые методы партизанской войны и начали стрелять из допотопных пушек. Или если бы придумали играть в войну и солдатиков – тогда бы погибло очень много людей. В данной ситуации погибло столько, сколько погибло. И ответственность за это ложится на людей, которые выгнали в мирный город военную технику.

Армия потеряла лицо

– Совесть к вам по ночам не приходит?

– Ну ответьте на вопрос – кто, я командовал танками? Я дал приказ выводить бронетехнику? Я дал команду палить из танков и пушек? Когда я смотрел на это, я думал, что ребята в Москве сошли с ума. Так действовать можно было, только если они хотели помочь нам достичь независимости самыми быстрыми темпами. Что произошло после того, как советские войска в Вильнюсе напали на мирный город и невооруженных людей? Армия потеряла лицо.

– Но вы же в своих интервью поясняете, что это и была одна из ваших целей – подорвать два последних столпа советской власти – КГБ и армию. Значит, берете на себя

долю ответственности...

– Они сами наступали на грабли везде, где только могли. Кто посылал их против людей в Праге? Или в Будапеште? Я хочу, чтобы вы поняли: в том, что мы тогда остановили здесь Горбачева и его команду, было больше заслуги ваших русских, чем нас. Надо было быть абсолютными дураками, чтобы таким образом отреагировать на происходящее. Они просто не поняли, что это не 1956 год в Венгрии, не 1968-й в Чехии. Они не поняли, что они стоят перед камерами CNN, BBC и тележурналистов со всего мира.

– Как, кстати, вам удалось затащить в Вильнюс такое количество прессы?

– На границах стоял КГБ. Это советская власть затащила этих ребят сюда с желанием показать совсем другую картинку, чем та, которая происходила. Они хотели продемонстрировать, как происходит битва между литовскими националистами и русскоязычными. Но мы погасили этот возможный конфликт, и армия врзалась в абсолютно мирную толпу.

«Я был против всех этих понтов»

– Вы довольны тем, что стало со страной, которую вы построили?

– Понятно, что нет. Я недоволен, потому что Литва потеряла главное, за что мы боролись: независимость. В свое время, когда Литва вступала в Евросоюз, я был одним из

немногих, кто говорил, что этого делать нельзя. Когда Литва старалась изо всех сил догнать европейские стандарты, принимая на себя методы, которыми пользовались европейские страны, то есть беря все в долг, мы были очень жестко против. Мы все время критиковали власть за долги, в которые влезла Литва. За то, что ничего не было построено, что не было создано ничего из того, что бы могло наше государство вывести на новые рубежи. Просто все проедалось и проворывалось. И то, что Литва покорно слушается сейчас господ из Евросоюза, – тоже один из самых больших грехов нынешних литовских властей. Про НАТО могу сказать то же самое. Шло постоянное прикрытие словом, что нам поможет НАТО. Сама проблема безопасности откладывалась в сторону. Людям показывали четырех пьяных пилотов из Румынии, которые выполняли миссию воздушной полиции над Литвой, как великое достижение безопасности, идущее от НАТО. Да, я был против всех этих понтов, если уж так говорить. Наверное, как раз потому и не играю в сегодняшней политике.

– Но если вы так недовольны нынешним положением дел – почему бы вам как политтехнологу снова не вспомнить техники Шарпа и не использовать разноцветные ленточки? Простите мой юмор, если он вас ранит.

– Это не юмор, и он не ранит. Это совсем другая игра. Люди достаточно сильно одурачены, изменить ситуацию, не имея очень и очень больших средств, не способен никакой

политтехнолог. Мы потеряли тысячи самых активных людей – все те, кто мог бы участвовать в митингах и постоять за себя, уехали. Для народа, который насчитывает 3,5 миллиона, отрезать 500–600 тысяч самых лучших работников, самых авантюрных людей, которые могут браться за дело и не боятся жить в новом месте, – это много. Мы потеряли возможность их использовать во внутренних битвах в Литве. Это самое грустное.

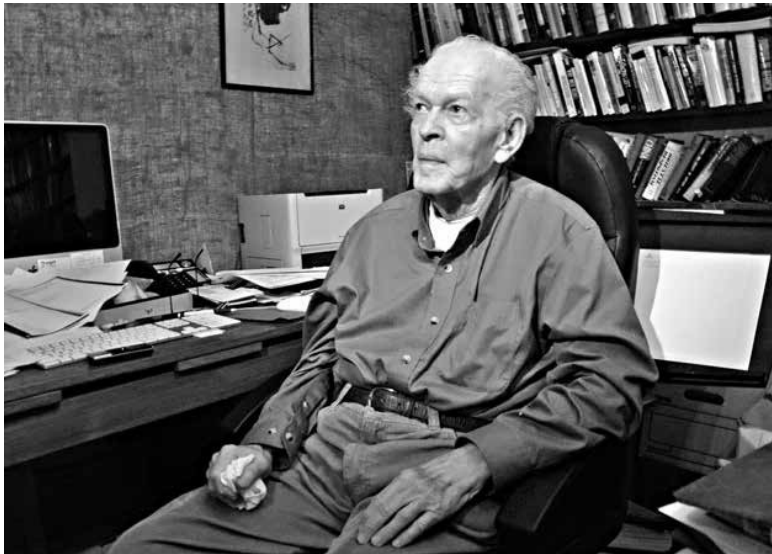
Джин Шарп: «Прибалтика – моих рук дело»

...Можно сказать, что к этому дому на окраине Бостона я шагала много лет. С того самого времени, как увидела в первый раз «балтийскую цепочку», когда в самом конце Советского Союза эстонцы, латыши и литовцы взялись за руки, дабы показать миру, как они хотят выйти из состава СССР. Полосатые национальные ленточки бились цветными змейками на прохладном ветру. Это было искренне и красиво. Я бы даже написала, что на глаза наворачивались слезы, но только для того, чтобы сказать, что это зрелище способно вызвать такую реакцию лишь раз в жизни. На другую человеческую цепочку, которую я наблюдала в грузинском Батуми в 2008 году, через две недели после пятидневной августовской войны, и на третью, которая растянулась на Садовом кольце в Москве зимой 2011 года, глаза почему-то реагировали иначе. В первый раз, как известно, история является к нам в виде трагедии, во второй – фарса, в третий – карикатуры на однажды опробованную технологию.

Это ощущение дежавю догоняло меня еще не раз: на «оранжевой» Украине, в «розовой» Грузии и «тюльпановой» Киргизии. Сейчас о технологии ненасильственного свержения власти, которую изложил в своих трудах американский профессор Джин Шарп, знают даже школьники.

198 его методов (ношение ленточек, молитвы и богослужения, символическое «освоение» земель, голодовки, цепочки и прочее) почти каждый день передают нам приветы с телеэкранов – то из Кишинева, то из Каира, то из Киева. Вопрос: что было первым – яйцо или курица? Профессор Шарп всего лишь зафиксировал детали этого явления или навязал свою «цветную» технологию миру? Вопрос требовал ответа. Я написала письмо в американский Институт Альберта Эйнштейна. Ответ из Бостона был коротким: приезжайте.

...Грязный испаноговорящий район, по которому ветер гонял бумажки, никак не предполагал наличия в нем научно-исследовательского института. На доме, где живет профессор Джин Шарп и первый этаж которого отдан под институт, ни таблички, ни вывески. Две крохотные комнатки завалены книгами и бумагами почти до потолка. Маркс, Ленин, Махатма Ганди, книги и плакаты на всех языках – видно, что хозяин этого кабинета очень мудр и стар. Настолько, что ему требуется лупа, чтобы разглядывать монитор компьютера.

«Отец» теории ненасильственного свержения власти
Джин Шарп: даже не верится, что СССР мог разрушить
немогущий старик... *Фото Г. Сапожниковой.*

– Я невнятно говорю, – задыхаясь, извиняется Джин Шарп, глубокий старик, который в свои (тогдашние 84 – Г. С) выглядит как памятник. – Но если надо, повторю для вас и пять раз, и десять.

Это и правда не помешает. О том, как с помощью его технологии двадцать с лишним лет назад разваливали СССР, можно говорить бесконечно.

Трещины на монолите

– А знаете ли вы, господин Шарп, сколько людей у нас в России умерло после развала страны? Сколько эмигрировало? Сколько погибло в межнациональных войнах?

– Неужели? – искренне удивляется он.

У него есть привычка прикрывать рукой рот, когда он говорит, поэтому кажется, что он все время охает.

– Вы основали свой институт в 1983 году. Вы тогда уже знали о том, что Советский Союз развалится?

– Нет, это невозможно было предсказать. Я, во всяком случае, не мог.

– Кто, по-вашему, разрушил СССР: Горбачев, профессор Шарп или сами русские?

– Ни одно, ни другое, ни третье. На эту тему есть эссе ученого Карла Дойча, которое называется «Трещины на монолите». Он – американец немецкого происхождения, профессор Гарварда. В этой работе, которая вышла в США в 1957 году, есть глава про тоталитаризм, я ее цитирую в своей книге «От диктатуры к демократии». Так вот: в то время, когда сталинский режим был еще в силе и контролировал всех и вся, Дойч писал, что эта система имеет проблемы, отметив 7 или 8 слабых ее мест. Я не думаю, что это эссе каким-либо образом повлияло на Советский Союз... То есть я подозреваю, что СССР развалил не Горбачев и не я. Кто

такой я, собственно? Маленький человек.

– *А когда вы начали навещать нас в страну?*

– Я не силен в датах. Точно был в 1991-м и думаю, что вернулся еще через год или два. Первоначально прилетал только в Москву, побывал на двух конференциях в советской Академии наук, одна была посвящена этике ненасильственного движения, другая – его истории. У нас с собой были сигнальные экземпляры книги «Общественная оборона», которая готовилась к изданию в Принстонском университете. Мы раздали их представителям прибалтийских стран, которые и увезли их в свои столицы.

– *Не можете припомнить, кому именно?*

– Я всегда путаю имена. Госминистру Эстонии Райво Варре. Каким-то людям из правительства Латвии. Аудрюсу Бутквичюсу, тогда он был директором Департамента охраны края.

– *Я в тот момент жила в Таллине и могла своими глазами наблюдать как саму вашу технологию, так и ее результат, не догадываясь, кто за этим стоял. А недавно прочитала в одном из ваших интервью: «Прибалтика – моих рук дело!»*

– Эти три страны начали ненасильственное сопротивление сами, я тут ни при чем. За ними стояла история партизанской войны – против советской оккупации, нацистской и опять – советской. И они решили добиваться независимости – ненасильственным путем, без какого бы то ни было влия-

ния с моей стороны.

– Но как же вы друг друга нашли?

– Очень просто: они нас к себе пригласили. Но, кажется, вы пытаетесь увязать эти события с моей личностью? Это ошибка. Это связано с моими идеями, а не лично со мной. Идея как подвид сопротивления может явиться к самым разным людям, но при этом в их странах может ничего и не случиться. Если бы прибалты были сильными, они бы, вероятно, для достижения цели применили насилие. Но они были слабыми. Их сила была в массе людей, которые думали одинаково. На самом деле идеи, изложенные в моих трудах, уходят корнями в далекое прошлое. Вы видите на стене портрет Махатмы Ганди – я многому у него научился, хотя, естественно, никогда его не встречал.

Провокация как метод достижения цели

– Вернемся в Прибалтику. Вы помните трагедию в Вильнюсе в январе 1991-го, когда у телебашины погибли 13 мирных жителей и один советский офицер и во всем обвинили Советскую армию? Это правда, что вы приезжали в Литву за несколько дней до начала штурма и давали советы литовским борцам за свободу?

– Никаких советов я не давал! Я не знаю, кто распространяет эти сплетни. Я приехал уже после того, как все произошло. А до этого встречался с ними только в Москве.

– А как вам такая теория: литовцы настолько хотели получить независимость, что решили ускорить процесс, организовав провокацию, и что за этим спектаклем стоял якобы ваш любимый ученик Аудрюс Буткявичюс?

– О нет! Я знаю его прекрасно, он никогда бы не сделал ничего подобного. Он был совершенно убежденным сторонником использования ненасильственных методов борьбы. Простите меня, но это звучит, как советская пропаганда. Советский Союз продолжает сочинять байки, чтобы оправдаться за те вещи, за которые ему должно быть стыдно.

– Но я сама читала в одной из ваших книг высказывание, смысл которого в следующем: если вы хотите независимости, вы должны быть готовы к тому, что кто-то из ваших соратников будет убит...

– Я имел в виду другое: что авторитарные и диктаторские правительства очень зависят от насилия, полицейского либо воен-ного, иначе им свои диктатуры не удержать. Когда народное движение начинает им угрожать, пусть и используя только ненасильственные методы, не следует удивляться тому, что режим будет уничтожать людей, дабы это движение остановить. На самом деле ненасильственная борьба не означает, что вы в безопасности. Это значит, что может быть убито несколько меньше человек, чем при насилии. И меньше, чем если бы вы не делали вообще ничего. Чеченцы поступили немудро, когда сделали ставку на насилие, чтобы достичь независимости, потому что Россия мощнее. Выбирать

борьбу с оружием в руках, когда твой оппонент столь силен, не имеет смысла. Но если вы используете только ненасильственные методы, власть не будет знать, что с вами делать. Потому что, если она применит против вас силу, это вызовет немедленную международную реакцию. Иными словами, если бы чеченцы не использовали насилия, жертв было бы меньше и у них был бы большой шанс на победу.

– Некоторые считают, что события 13 января 1991-го в Литве были репетицией августовского путча в Москве. Так сказать, пробным камнем... Вы с этим согласны?

– Я в то время разговаривал со многими людьми из Прибалтики и могу сказать, что их цели были весьма ограничены – вернуть себе независимость. Более широко – развалить СССР – они не мыслили. Никогда. Тот, кто навязал вам идею о том, что в людей стреляли литовские снайперы, не знает ничего о Вильнюсе и телевизионной башне. Снайперы не могли стрелять в демонстрантов! Около этого холма вообще нет высоких зданий.

Там есть дома чуть подальше – пять этажей или что-то типа этого, но прямо рядом с башней строений нет. Люди были убиты не снайперами, а русскими солдатами. Ваше правительство иногда делает вещи, которые делать не следует, как, впрочем, и правительство США. Чтобы это признать, предателем становиться необязательно.

– Но доказательств того, что у телебашни стреляли советские солдаты, нет! К тому же там были найдены гиль-

зы от пуль, выпущенных из оружия Второй мировой войны...

– У каждого правительства свои оправдания. И всякий раз, когда делается нечто презренное, появляется объяснение: мы, дескать, этого не делали, это сделал кто-то другой и так далее. Вы, конечно, можете верить в то, во что вам хочется. Но я возражаю против того, чтобы факты подтасовывались.

Кто у кого учился?

– Поговорим о вашей теории. Вы знаете, что иногда ее используют не в самых праведных целях? Технология-то универсальна: можно снести правительство, а можно и оппозицию.

– Ну, конечно, знаю! Люди могут объявлять голодовку, чтобы заполучить что-нибудь нехорошее. Но я думаю, что лучше объявлять голодовку, чтобы заполучить что-нибудь нехорошее, чем ради этого нехорошего убивать. В первом случае единственными пострадавшими становятся сами голодающие.

– Удалось ли вам создать систему противодействия тому, чтобы ваши методы не использовались во вред обществу?

– Только в общих терминах. Этому, естественно, нужно сопротивляться. Ненасильственно. Есть пределы тому, что я

могу.

– *Что вы, кстати, чувствуете, когда революции, скроненные по вашей технологии, проваливаются? Вон на Украине благодаря вашим рекомендациям «оранжевая» революция вроде бы победила – и что? Новые демократы, которые пришли на место старой власти, стали делать то же самое, что и предыдущие правители.*

– Ситуацию на Украине я не отслеживал. Но в последней части моей книги «От диктатуры к демократии» сказано так: свержение режима не дает полного решения проблемы. Те, кто делает революции, должны быть начеку, чтобы новый режим не стал диктатурой и не был похож на предыдущий. Проблема не в том, чтобы снять режим. Вы должны четко понимать, как предотвратить захват власти некой политической группой. Как удержаться от переворота, спровоцированного ЦРУ, – как это было, например, в Чили. Или в Иране, когда к власти пришел аятолла. Или в России в 1917-м, когда власть захватили большевики. Мы – единственная организация, которая сформулировала методологию, как предотвратить переворот. Кстати, тому немногому, что я знаю о методах ведения ненасильственной борьбы, я научился в том числе и у Льва Толстого. У него была теория политической силы – что тираны имеют только ту власть, которую им дает – народ. Если же народ не согласен, то диктатор власть теряет. Так что надо еще подумать, кто у кого учился, – вы у меня или я у вас.

– *Вы догадываетесь о том, что ваше имя в России несколько демонизировано?*

– Посмотрите, какой из меня демон! Три головы и 14 рук... Насколько я силен! Какой огромный у нас офис, сколько работников. Право, это смешно.

– *Может быть, люди имеют в виду то, что вы в ответе за развал СССР?*

– Это хорошая шутка! Вы думаете, я один мог развалить империю, самую большую страну в мире, с миллионами людей, огромной бюрократией, КГБ и армией? Это ерунда. Ерунда! И они приписывают это мне, старичку? Я даже ходить не могу без чужой помощи! Проблема советского общества была в том, что его третировал старик? Значит, в этом обществе были очень большие проблемы... Это ваши внутренние дела, не имеющие ко мне никакого отношения. Если бы я не родился, если бы вообще не существовал, эти проблемы были бы все равно.

«Мы никому не даем советов»

– *Власти США применяли вашу технологию много раз – почему же не оценили ее по достоинству?*

– Я не заслуживаю никакой оплаты, поскольку они моей методикой не пользуются. Они устроили экономический бойкот – Кубы, например. Но это то, что используется уже сотни лет. Это не я придумал. Чтобы сменить власть в Ира-

ке, призвали на помощь военных, а не меня. Денег от американского правительства я не получал, лишь однажды непрямой грант через одного гарвардского профессора, который, в свою очередь, получил грант от Пентагона на исследование нетрадиционного способа разрешения конфликтов. У нашего института, как вы видите, нет ни здания, ни большого штата сотрудников.

Я никого не обучаю, я не учитель. Я провожу исследования, анализирую и обнародую результаты. И если людей это интересует, они могут научиться. Сюда приезжают самые разные посетители, получают книги – и ничего в их странах не происходит.

Мы никогда не говорим людям из других стран, что делать и в каком порядке. Многие приезжают сюда и просят: пожалуйста, скажите, что нам предпринять – в Венесуэле, например. Я отвечаю: «Нет. Я не знаю ситуации в вашей стране так, как вы. Но я знаю принципы ненасильственной борьбы. Мы даем вам руководство под названием «Самоосвобождение». Оно как раз и составлено для того, чтобы вы обучились тому, чего не знаете. А в сочетании с тем, что вы знаете, и умением стратегически мыслить вы составите ваши собственные планы». Книга «От диктатуры к демократии» на самом деле была написана для Бирмы. Теперь она распространена на 34 языках мира.

– *Ваше пожелание будущим революционерам.*

– Остановиться, подумать, поучиться и снова подумать,

до того как начнете что-нибудь делать.

* * *

«Генетический анализ показал, что Джин Шарп не является отцом «цветных» революций», – записала я себе в блокнот красивую фразу. И задумалась. Живой профессор Шарп не соответствовал образу – ни по уровню достатка, ни по физическому состоянию. Он был непропорционален тому, что делал. Весь хваленый Институт Альберта Эйнштейна состоял из него самого и двух сотрудниц, которые помогали ему разгребать почву и редактировать книги. Последние стопками лежали тут же, на холодильнике. «Вообще-то словарь Джина Шарпа стоит сто долларов, но вам мы продадим за 20», – предложили нам его помощницы голосами распространительниц «Гербалайфа». В три жилых этажа наш герой нас с фотокорром не пустил – так что мы, увы, не смогли заснять для истории, как он поливает свои знаменитые орхидеи. «Там у меня беспорядок. Это здесь я более или менее чистоту навел...» – смущенно объяснял он, оглядывая бумажные горы на своем рабочем столе, к которому он в свои 84, едва ходя, спускается каждый день, чтобы работать. Острейший ум и почти полная физическая беспомощность.

Я написала еще один абзац, почти благостный: «Вот такой он, мистер Шарп: живущий на окраине Бостона, на улице, по которой ветер гоняет мусор, работающий в кабине-

те, заваленном бумагами. Человек, создавший систему, которая может перевернуть мир, в конце жизни об этом пожалевший и пытающийся остановить молодых революционеров от непродуманных – действий».

Вечером пересматриваю отснятый материал и ничего не могу понять: будто закончилось действие гипноза. Как можно было так попасть под обаяние его ума, что не заметить на буклете Института имени Альберта Эйнштейна рекламный слоган: «Консультации с правительственными министрами, парламентариями и волонтерскими организациями для развития гражданского сопротивления – такого, как было в Литве, Латвии, Эстонии и Таиланде».

То есть, выходит, приложил профессор Шарп руку к «бархатным» революциям в Прибалтике – первым «цветным» на пространстве СССР?

Да, забыла ему напомнить: все-таки есть, есть возле вильнюсской телебашни высотные дома, с крыш которых могли стрелять снайперы...

Владимир Овчинский: «Руководство СССР сознательно уничтожало страну»

Парадокс заключается в том, что знаменитый криминолог, генерал-майор МВД, доктор юридических наук Владимир Овчинский всю правду о событиях в Литве знал еще в феврале 1991-го, когда в соавторстве с политологом Сергеем Кургиняном опубликовал свое знаменитое исследование «Литовский синдром», – вернувшись из Вильнюса, в который был командирован сразу же после того, что случилось у телебашни:

«Очевидно, что возможность кровопролития была заранее смоделирована со стороны советников Ландсбергиса, так как уже в момент захвата телевидения с автономных радиостанций в эфир пошли заранее заготовленные пленки на различных языках о том, что «в Вильнюсе пролилась кровь и осуществлен военный переворот».

Информация, которую журналистам спустя годы приходится добывать по крупицам, была ими собрана, проанализирована и опубликована 25 лет назад, – да только в тогдашнем демократическом угаре их с Кургиняном никто не захотел слушать.

Очередное вранье Михаила Сергеевича

– Каким образом вы оказались на месте событий в Вильнюсе, в качестве кого, и перед кем впоследствии отчитывались?

– История берет свое начало гораздо раньше, когда в стране только начались межнациональные конфликты, – с Нагорного Карабаха. Министром внутренних дел Вадимом Бакатиным во ВНИИ МВД был создан Отдел чрезвычайных ситуаций, который подчинялся напрямую оперативному управлению штаба МВД СССР и непосредственно через него – министру. Оперативное управление возглавлял Владислав Насиновский – это человек, который был одним из руководителей группы «Кобальт» в Афганистане, очень опытный оперативник. Он нас курировал в управленческом, оперативном плане. Сначала мы работали в Нагорном Карабахе, потом в Цхинвале, затем в Молдавии. Когда в 1990 году литовцы объявили о своей независимости, определенные силы внутри КПСС и правительства СССР были заинтересованы в – наличии независимых потоков объективной информации. И мы напрямую докладывали Политбюро, председателю Совета Министров Николаю Рыжкову, председателю КГБ Владимиру Крючкову и Леониду Шебаршину, начальнику внешней разведки, тогда это называлось Первым главным управлением КГБ СССР. Таким образом я, работник милиции, со-

вершено неожиданно оказался включен в анализ политических событий в стране.

Знаменитый криминолог Владимир Овчинский всю правду о событиях в Вильнюсе знал еще 25 лет назад. *Фото Г. Сапожниковой.*

В Литву мы выехали под видом журналистов и работали несколько недель в 1990 году, собирали информацию среди националистических и экстремистских сил. Примерно знали, как действовали американские политтехнологи и специалисты из европейских стран, но, скорее всего, это были представители спецслужб, которые входили в НАТО. И поскольку

мы работали очень активно, то попали в поле зрения местного КГБ, нас даже однажды попытались задержать, приняв за граждан иностранных государств. После этого с сотрудниками КГБ Литвы мы работали на полном доверии. И когда случились события у телебашни, погибли люди и начался шум и завывания на всесоюзном телевидении и радио, которое сразу заняло позицию литовских сепаратистов, стало искусственно формироваться общественное мнение, которое настраивало общество против вооруженных сил и спецслужб. Получалась такая картина: советские десантники напали на безоружных людей, убили 13 человек, захватили телебашню и действовали без команды из центра... Какая-то вакханалия. С нашей группой непосредственно работали первый секретарь Московского горкома КПСС Юрий Анатольевич Прокофьев и Олег Семенович Шенин, который был секретарем ЦК КПСС. Они попросили нас срочно выехать в Литву и по горячим следам собрать материал о том, что произошло на самом деле. Мы выехали вместе с независимым политологом Сергеем Кургиняном, с которым познакомились в Нагорном Карабахе, после чего стали сотрудничать в аналитическом плане.

Первое, что мы поняли: десантники работали не сами по себе, а по команде непосредственно от Горбачева и министра обороны Язова.

– То есть слова про то, что он спал и ничего не знал – это...

– Это вранье. Очередное вранье Михаила Сергеевича Горбачева. Он лично дал команду захватить телебашню. И после захвата первый доклад был именно ему – это нам рассказывали работники КГБ Литвы, которые присутствовали при том, как десантники докладывали Крючкову, Горбачеву и Язову о том, что задание выполнено. Никого они не убили из местного населения, погиб только лейтенант Шатских, которого застрелили, скорее всего, «саюдисты». То есть все это было известно с первого дня. Это во-первых.

Во-вторых: мы совершенно четко установили, что в Литве действуют резидентурные группы США, состоящие в основном из этнических литовцев, которые имели американское гражданство, воевали в различных странах в спецподразделениях, служили в военной разведке, в ЦРУ и в других спецслужбах Соединенных Штатов Америки. Но к моменту, когда они оказались в Литве, все они были уже отставниками – приехали к себе на историческую родину помогать становлению демократических начал. Придаться к ним как к агентам ЦРУ формально было нельзя. Но все же понимают, что если человек – отставной сотрудник спецслужб, то это навсегда.

Это часто применяемый прием, особенно в спецслужбах США. Так называемый спецназ Катара, который штурмовал Триполи, на 90 % был сформирован из отставных сотрудников европейских и американских спецслужб. Фактически наемников. Эти резидентурные группы уже тогда имели свои

боевые группы. Они обучали людей делать коктейли Молотова, и если бы случилось настоящее вторжение, то началась бы реальная гражданская война. На территории всех прибалтийских республик были схроны с оружием, которые оставались там еще с момента действия последних «лесных братьев».

Самые законспирированные структуры были, впрочем, не в Литве, а в Латвии, и мы об этом докладывали непосредственно руководству страны и партии. То, что погибшие у вильнюсской телебашни люди в большинстве своем были убиты снайперами из оружия, скорее всего, охотничьего, на тот момент тоже было известно.

Предательство шло сверху

– Каким же тогда, интересно, образом все перевернулось с ног на голову и виноватыми оказались спецназовцы?

– Все это было известно с самого начала. Мы приехали рано утром, идем по Вильнюсу – баррикады, дым стоит, люди с повязками ходят, проверяют документы. Ситуация, как в Гражданскую войну, какой-то революционный город... И тогда я позвонил сотрудникам местного КГБ и встретился с теми русскими, что там остались. К этому моменту уже едва ли не половина сотрудников КГБ Литвы перешла на сторону «саюдистов» – в кабинете у себя сидел только заместитель председателя КГБ Литовской ССР по фамилии

Цаплин, скромный человек в очках. Цаплин как раз и дал команду своим ребятам дать все материалы, что есть, чтобы в Москве знали правду. Принесли оперативные дела, мы взяли фотографии американских резидентов, которые руководили тамошним сопротивлением. Эти фотографии потом были опубликованы в «Московской правде».

Самое главное для нас было установить, что десантники действовали по указанию Горбачева, что должно было быть введено прямое президентское правление, которое введено так и не было, а из Политбюро ЦК КПСС для Комитета национального спасения должна была поступить команда, которая так и не поступила. Что никого из гражданских при штурме телебашни и телецентра не убили, все люди убиты были снайперами «саюдистов» или агентурой западных спецслужб. Что на территории Литвы активно действовала сеть американской и натовской резидентуры и вся эта ситуация развивалась по книгам Джина Шарпа.

– *Это вам уже тогда было известно?*

– Конечно. Я эту фамилию знаю с конца 80-х годов, как только начал заниматься всеми этими историями.

– *А почему, если вы все знали, вы не смогли противостоять его технологии?*

– Мы все это докладывали. Единственный человек, который пошел на легализацию этих материалов, был Юрий Анатольевич Прокофьев. Он нам сказал: «У меня у самого в горькоме партии бунт, люди верят литовцам и тому, что по-

казывает телевидение». Тогда он собрал партийный актив в огромном зале в здании горкома партии и попросил выступить Кургиняна, меня и еще некоторых товарищей. Нас не отпускали, наверное, часа два, мы в подробностях рассказывали все свои впечатления и по Литве, и в целом по Прибалтике. Тогда кто-то из бюро встал и сказал: я предлагаю, чтобы все это было опубликовано в «Московской правде». Так мы написали статью «Литовский синдром». Все это вышло в двух статьях большим тиражом и было положено на стол Горбачеву, всем членам ЦК и правительству. Потом мы все это еще раз повторили на заседании президиума Совмина СССР. А то, что было секретно, доложили лично Крючкову как председателю КГБ. Все, что можно, мы сделали. Но что можно было сделать, если предательство шло с самого верха, если целью Горбачева и Яковлева было отпустить прибалтов?.. Я считаю сейчас, что вся эта операция по взятию телебашни была инсценировкой для того, чтобы дать возможность прибалтам уйти. Когда Союз хотят закрепить, действуют, как в Венгрии, как в Чехословакии. Я не буду сейчас давать оценку, хорошо это было или плохо, но это – часть нашей истории. Но когда хотят получить обратный эффект, действуют так, как действовали Горбачев и Яковлев. То, что произошло в Литве, – это микроГКЧП, тот вариант провокации, который позволил отделить Литву, а потом в целом всю Прибалтику от СССР. Поэтому, если бы даже в тот момент пришел какой-нибудь руководитель из ЦРУ и сказал,

что будет на нас работать, – все равно ничего нельзя было сделать, потому что руководство СССР сознательно уничтожало партию и страну, которую представляло.

Машина по развалу СССР

– Это вы и имели в виду, когда писали в своей статье, что в Литве отовсюду торчали «уши» ЦРУ и наших спецслужб?

– Да. Что такое Народные фронты Латвии, Эстонии и литовский «Саюдис»? Покойный Борис Пуго, который, по официальной версии, покончил с собой, будучи министром внутренних дел, лично мне это говорил (у меня с ним были очень прямые доверительные отношения). Я его спросил: товарищ министр, а как получилось так, что вы, будучи председателем КГБ Латвии, допустили, что у вас в республике появились Народный фронт и националистические, профашистские структуры? И он мне рассказал, что, когда он был первым секретарем, у него ничего подобного в республике не было, но Михаил Сергеевич вызвал его в Москву и спросил: «А почему у тебя не идут демократические процессы? Вот в Литве есть «Саюдис», в Эстонии Народный фронт, даже в Москве есть свой Народный фронт, а у тебя никакого демократического движения нет. Помоги этим процессам». И Пуго стал помогать. Он вызвал к себе всю агентуру, которая работала в искусстве и в науке, и стал им говорить, что надо создать такой же фронт, как у эстонцев и у литов-

цев. Все отнекивались, никто не хотел это делать, один вообще упал на колени, чуть ли не ноги ему целовал – зачем ты, дескать, Борис Карлович, хочешь меня погубить? «Мы сейчас все создадим, выведем людей на улицу, а вы нас потом арестуете, а может, еще и расстреляете». То есть все Народные фронты изначально создавались через пятые управления КГБ СССР и КГБ в республиках. Все до единого! Потом весь процесс был перехвачен резидентурой и агентурой США и натовских стран и местными националистами. Процесс был запущен, а те, кто все это начинал, смещены и скомпрометированы. В Литве уже опубликована агентурная карточка Казимиры Прунскене. Как бы она потом ни оправдывалась, что это-де было не активное сотрудничество, как политический лидер была сожжена... Это было предательство внутри КГБ самой Литвы. Поэтому я и говорю, что это был обоюдный проект – как наших спецслужб, так и зарубежных. Никакой бы демократической революции в СССР не было, если б Горбачев и Яковлев не запустили машину по развалу КПСС.

Глупость или подлость?

- Каким образом план операции, намеченной на 12 января 1991 года, оказался на столе у Ландсбергиса?*
- Ему его передал непосредственно Яковлев.*
- Доказательства?*

– Таковы: когда я совершенно секретную записку, лично написанную после событий в Нагорном Карабахе, направлял через руководство МВД лично Яковлеву, эта записка оказалась в руках и армянских националистов, и азербайджанских. А когда я докладной запиской доложил о фашистских структурах в Латвии руководству страны, то руководство МВД дало команду меня уволить из органов. Я каким-то чудом остался.

– Повышение цен, которое произошло в Литве прямо накануне событий, тоже было частью сценария?

– Думаю, это была общая экономическая вакханалия. Главный элемент был – ввести войска, провести силовую акцию, убить людей и свалить это на десантников. И всех, кто сомневался, сделать противниками СССР. Эта задача была выполнена в результате той провокации, которую организовали Горбачев с Яковлевым и те, кто им помогал в наших спецслужбах.

– В чем еще вам как профессионалу была видна отрежиссированность ситуации?

– Мы не проводили официального расследования – таких полномочий не было. Мы встречались с людьми в литовской компартии и в КГБ, с теми, кто занимался политическим анализом, – все были в подавленном состоянии. Но общее мнение было таково: команду на штурм телебашни дал лично Горбачев, но потом от этого отказался, подставив всех людей и сделав из них фактически преступников, десантни-

ки никого не убивали, а те, кто был убит из литовцев, были убиты снайперами или сотрудниками спецслужб зарубежных стран. Так же как в 1993-м – никто из «белодомовцев» вроде бы не стрелял по работникам милиции, но... кто-то же стрелял! Моему однокурснику тогда прострелили легкое из снайперской винтовки – он инвалидом остался на всю жизнь. Выстрелили в спину, со стороны Кутузовского проспекта, а он стоял в оцеплении у «Белого дома». В Вильнюсе была такая же методика. Стреляли по людям, чтобы потом свалить всю вину на «Альфу» и десантников. Точно так же, как во время тбилисских событий: погибшие были задавлены в давке, а распространили слух, что были убиты саперными лопатками. Ни одной смерти от саперной лопатки там не было, это все был вымысел грузинских националистов. Людей не надо было разгонять, никто ничего не делал. Это Горбачев дал команду.

– От глупости или от подлости?

– Он все делал сознательно и специально провоцировал ситуацию. Никакая это не глупость, он очень умный человек.

– Тогда постарайтесь мне, пожалуйста, объяснить, что было с нашим обществом – что оно это проглотило, не подавившись?

– Наше общество было нормальным. Когда во время ГКЧП я с семьей находился в Анапе, я видел, какой была реакция людей. Когда объявили о ГКЧП, народ ликовал и говорил – наконец-то... Потом меня вызвал в Москву Борис Пу-

го, и я видел реакцию людей в аэропорту – все говорили, что наконец-то наводят порядок после этого вселенского горбачевского бардака. Никто ж не знал, что это очередная провокация, организованная самим Горбачевым. Большинство людей в марте 1991-го проголосовали за единство Советского Союза. А потом три преступника подписывают филькину грамоту о том, что разваливают эту страну. А изменники, которые сидели в Верховном Совете РСФСР, фактически единогласно все это приветствуют. Поэтому не надо все списывать на народ – народ все прекрасно понимал, все сделала какая-то кучка предателей, которая оказалась на радио, на телевидении и в печатных СМИ.

Это было не кино...

– Почему вы не продолжили эту тему?

– А где и с кем? СССР уже не было. Я убежал из Вильнюса с фотографиями, которые передали мне литовские кагэбэшники. Через четыре года зампреда КГБ Литвы Цаплин был убит. Мой товарищ, который передавал мне документы, был на – нелегальном положении и долго скрывался. Потом его объявляли в розыск. Я не знаю его судьбу, он исчез. Его бросило и наше российское ФСК, потом ФСБ... Таких людей много по всем республикам. Когда он привез мне в привокзальный ресторан документы – выписки из оперативных дел, которые я потом передал Крючкову, – мы увидели

ли, что находимся фактически в кольце «саюдистов». Тогда мы перезаказали еду – это такой психологический эффект, рассчитанный на психологию хуторян: если заказали, значит, не собираемся уходить. Я пошел в туалет и выпрыгнул через окно со второго этажа. Перебежал площадь и уехал с документами.

– И что нам, скажите на милость, теперь делать с этой вырвавшейся на поверхность правдой?

– Такая правда существует не только по Литве – по любому государству в пространстве бывшего СССР. Поднимите альтернативный доклад, который мы вместе с Кургиняном готовили по тбилисским событиям, или альтернативный доклад по Карабаху. Для меня литовские события не главные, это просто один из эпизодов той трагедии, которая произошла с уничтожением СССР. Погибли люди? Но после этого в межнациональных этнических конфликтах на пространстве бывшего СССР погибла масса людей. Никто ж не говорит, что в результате резни в Таджикистане, когда произошла так называемая исламо-демократическая революция, поддержанная Ельциным и его окружением, погибло 150 тысяч человек. Я называю точную цифру: мой личный друг Тимур Рахимбаев сначала был заместителем министра внутренних дел Таджикистана, позже стал начальником Ходженского УВД, и потом был взорван в самолете над Эмиратами вместе со всем ходженским кланом. Это не 13 литовцев, застреленных самими литовцами. Это тысячи людей,

вырезанных в Киргизии. Это тысячи погибших в Чечне... Что вспоминать о Литве, когда такие трагедии произошли на территории России? Я никогда не забуду те выжженные поселки, которые видел сразу после боевых действий между осетинами и ингушами, когда был помощником первого заместителя министра внутренних дел и мы летели на вертолете. Трудно поверить, что это было не кино... Это все одна цепь измены и предательства, которое совершили руководители нашей страны.

* * *

...Это интервью требовало осмысления. На вопросы, которые поставил Владимир Овчинский, мог ответить только один человек – Эдуардас Эйсмунтас, председатель КГБ Литвы с 1987 по 1990 год. И я его нашла, чтобы спросить: «Неужели спецслужбы ничего не знали о том, что в конце 80-х здесь работали американские политтехнологи? И «цветная» революция, которая тогда называлась «поющей», готовилась совершенно открыто?»

Вот что он ответил:

– Все видели и знали, но что мы могли сделать, если эмиссары приезжали через Москву? Все денежные средства тоже шли из Москвы. Местное КГБ было полностью беспомощным. Не Литва начала движение за демократизацию. Все тле-ло, но было под контролем. Но вот пришел великий рефор-

матор Горбачев, и началось... Открыли все двери и окна: сюда хлынули эмигранты и разведчики, поплыли деньги. А еще приезд этого хромого агента американской разведки Александра Яковлева, который явно дал понять: делайте что хотите. Все поняли, что можно не ограничиваться демократизацией, а говорить о выходе из СССР. Сколько я ни писал, сколько ни докладывал Крючкову – вижу: процесс неуправляем и ничего нельзя сделать. Договорились с коллегами – председателями КГБ из Латвии, Эстонии и Молдавии – поехать в Москву доложить обстановку вместе. Нам говорят: без паники, все под контролем... Я вернулся, подал рапорт и ушел в отставку. Действовать против закона я не хотел и не мог. Не Прибалтика виновата в развале Советского Союза, а Горбачев и его команда. Так что в январе 1991-го я сидел дома и смотрел телевизор. Никто меня не информировал – я бы отговаривал от этого штурма, если бы знал. Вмешивать армию в это дело было полнейшей глупостью. Какой дурак дал команду брать телебашню? Можно было просто отрубить кабель – под Каунасом находилась сильнейшая в Европе перехватывающая радиостанция, откуда можно было транслировать передачи не только на Литву, но и на Латвию с Эстонией.

Действительно...

Глава 3

А потом позвали Деда Мороза...

Каждый Новый год в Литве начинается с того, что дети рисуют танки, – всю неделю перед годовщиной январской трагедии. Можно сказать, что и сама вильнюсская телебашня стала местом культовым, иллюстрацией к самой героической странице современного литовского эпоса. Официально утвержденная версия всех устраивает, потому что на ней выстроена вся государственная идеология. Боже упаси случайно забыть про траурную дату в календаре – заключают, как несколько лет назад Валерия Гергиева, у которого аккорат на этот день был назначен в Каунасе концерт. Маэстро был немножко потрясен, конечно, пикетами против музыки у входа в концертный зал, но концерт не отменил и даже, как человек вежливый, выразил со сцены соболезнования. После этого в Литве задумались над следующим: а имеют ли право русские вообще праздновать старый Новый год в то время, как вся остальная Литва скорбит? Лично наблюдала, как посетители одного вильнюсского ресторана, пришедшие 13 января поужинать и хорошо провести время, дружно отодвинули вилки и салаты и послушно встали по команде ведущего, чтобы замереть в минуте молчания. А потом весело позвали Деда Мороза...

Скорбеть, собственно, никто и не против: погибли 14 человек, большинство из них – молодые люди, поддавшиеся призывам Ландсбергиса идти защищать свободу и поверившие заверениям Буткявичюса о том, что стрелять будут только холостыми. Дело не в жертвах литовской «небесной сотни», а в виновниках их смерти. Легенда о «советской агрессии» прочно впаяна в новейшую литовскую историю, а тема телебашни в Литве абсолютно сакрализована: ей посвящены уроки памяти, в честь нее организовываются спортивные соревнования, разжигаются костры на площадях и устраиваются выставки детских рисунков. Из нескольких сотен цветных картинок, вывешенных на уличных стендах около литовского музея жертв геноцида – с бесчисленным множеством танков, телебашен и страшных советских людей в серых шинелях, – сердце царапают две: советский солдатик утаскивает у литовского мальчика деревянную лошадку. И на вильнюсскую телебашню наезжает танк не с советским, а с российским флагом... Ошибки никто не исправляет – в колею, которой Литва решила следовать в светлое будущее, это прекрасно укладывается.

Отобрать у народа такой повод для объединения национального духа было бы неправильно. Проще было дискредитировать источник смуты, коим и стал для Литвы оппозиционный политик Альгирдас Палецкис.

На детском рисунке, посвященном январской трагедии 1991 года, Литву атакует танк с... российским флагом! В историю по поводу будущей российской агрессии, которая поразила Европу несколько лет назад, включили даже литовских школьников. *Фото Г. Сапожниковой.*

Собственно, ничего нового он не изобретал – он лишь повторил мысли, которые были уже озвучены в печати другими. Но шум вышел страшный. Палецкиса стали судить за «отрицание советской агрессии». Первый суд в январе 2012 года он выиграл. Но возмущенные защитники телебаш-

ни написали судье письмо с требованием покарать отщепенца. Этим людям тоже можно понять: за свой подвиг они давно получили медали, пенсии и наделы земли. Двадцать лет рассказывали детям и внукам о том, как победили страшного советского дракона. А теперь получается, что дракон был не таким страшным, как его малевали, и дышал не огнем, а стариковским тленом. И суд второй инстанции за эти несколько неправильных слов («Как теперь выясняется, свои стреляли в своих») назначил Альгирдасу Палецкису штраф в 3 тысячи евро. Из Европейского суда по правам человека в Страсбурге, куда он направил жалобу, ему ответили: «Вопрос мало важен», продемонстрировав тем самым отношение как к свободе слова, так и к самой Литве.

Поэтому разбираться в этой мутной истории четвертьвековой давности будут те, кому это действительно важно, — литовцы и россияне.

Альгирдас Палецкис и инквизиция XXI века

До того, как Альгирдас Палецкис произнес в эфире радио свои знаменитые 7 слов, примерно об этом же напрямую говорили в своих книгах минимум три человека: Юозас Куолялис, Витаутас Петкявичюс и Валерий Иванов.

Почему же столь бурно отреагировали именно на него?

Причина кроется в фамилии. Писатель Петкявичюс уже умер, пенсионер Куолялис отпраздновал 85-летие, дважды отсидевший Иванов носит фамилию Иванов – и этим все сказано. За ними никто не пойдет. Они не опасны. И тут на сцену выходит молодой и яркий продолжатель знаменитого рода Палецкисов, дедушка которого включал Литву в состав СССР, отец был евродепутатом, а в советское время – дипломатом и журналистом, поэтому будущее самого Альгирдаса было известно еще до его рождения. Блестящее образование, четыре абсолютно свободных иностранных языка, прекрасная карьера в литовском МИДе, загранкомандировки и все, что полагается иметь представителю политической элиты. Все, кроме убеждений, которые совершенно не вписываются в современный литовский ландшафт. Звучит как анонс плохого кинофильма, но это правда: насмотревшись на дипприемы, избравшись в сейм, потрудившись вице-мэром и получив две государственные награды (француз-

ский орден Почетного легиона и орден «За заслуги перед Литвой», которого его впоследствии лишили), в районе своих 35 лет человек приходит вдруг к выводу, что мир устроен несправедливо, а «жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно». Уходит резко влево из партии социал-демократов, произносит давно забытые слова про социальную справедливость и даже организовывает собственную партию.

Что ж, призрак левой идеи, ставший особенно актуальным во время мирового финансового кризиса, по Европе бродит уже несколько лет, но никто не думал, что он может материализоваться в стране, которая последние двадцать лет с энтузиазмом неофита освобождается от всего коммунистического. Но он материализовался – в виде молодого Палецкиса.

В январе 1991-го у него – тогдашнего студента университета – тоже не было никаких сомнений по поводу того, кто виноват в том, что произошло у телебашни. Советская армия, конечно... Что же должно было случиться, чтобы спустя двадцать с лишним лет его мнение стало перпендикулярным общественному?

Залив без плавания

– Откуда взялись такие убеждения на фоне абсолютно «правого» информационного фона?

– Я шел сначала по стопам отца, дипломатия казалась

мне спокойным и уютным заливом. А мне хотелось плыть и быть в гуще событий. Поэтому было принято решение уйти из литовского МИДа. Одним из главных мотивов было то, насколько глубока социальная несправедливость и неравенство в Литве после стольких лет независимости. Люди недостойны той жизни, которой они сейчас живут.

– *Что лично вам запомнилось из событий января 1991-го?*

Литовский политик Альгирдас Палецкис, которого осудили за фразу, сказанную в прямом эфире радио, привел в суд 12 свидетелей, которые подтвердили его версию событий, а

не официальную. Но на приговор это не повлияло. *Фото Г. Сапожниковой.*

– Мне было 20 лет, я был студент Вильнюсского университета и дитя эпохи гласности. Конечно, на меня самого тоже действовала пропаганда Ландсбергиса, тогдашнего лидера националистов, который умело манипулировал образом России, Советского Союза как извечного врага Литвы. Мы все наивно верили, что перестройка – это мост в новое суперобщество из общества застойного. И когда в Литве началось национальное пробуждение, были абсолютными романтиками. Но так как мой отец был одним из лидеров литовской компартии, я знал чуть больше – о том, какая борьба за власть началась в верхах. «Саюдис» из патриотических сил очень быстро стал националистическим. Началась «охота на ведьм», нашу семью тоже терроризировали. И к 1991 году у меня появился ко всему этому иммунитет. Может быть, именно поэтому в отличие от многих литовцев я и не подвергся этому массовому психозу, и к телебашне не пошел, посмотрел только, что происходит у парламента, и решил пойти готовиться к экзамену. И потом вдруг выстрелы, шок и злость на то, что происходит, и на тех, кто это делает. Этот стереотип – что советские солдаты убивали литовцев, граждан Литвы – оставался на долгое время.

– *Конкретно у вас или у общества?*

– Я вырос в семье советского литовского дипломата, и мое

детство прошло в ГДР, в советской школе. Подростком пару лет жил в Москве. Поэтому, будучи литовцем, я был интернационалистом. Но в Литве обстановка давила, ко всему русскому и советскому у литовцев появилось негативное отношение. Позже, когда новые власти провели приватизацию и население обнищало, начали появляться большие сомнения.

– Иллюзии по поводу демократии рассыпались на фоне общего разочарования в капитализме?

– «Саюдис» изначально назывался движением в поддержку перестройки и социалистического обновления. Но когда его возглавил Ландсбергис, движение стало резко уходить вправо, в национализм. Я это видел и по своей семье, по нападкам на дедушку, который к тому времени уже умер. В «Саюдисе» был настоящий психологический террор, который прикрывался борьбой за независимость и демократию, а реально являлся банальной борьбой за власть. Среди его лидеров было много перевертышей, что разочаровывало в движении, которое начиналось хорошо, – за перестройку, против привилегий, но уже в 1989 году перешло в чистый национализм, русофобию и пещерный антикоммунизм.

Закон с обратной силой

– Наверняка наутро после событий 13 января 1991 года почти ни у кого не было сомнений в том, что все было так, как говорил Витаутас Ландсбергис. Через сколько лет на-

чала просачиваться другая информация?

– Все были шокированы и приняли эту версию как истину. По телевизору показывали кадры убитых людей – несмотря на то, что не было ни одного кадра, как кого-то переезжает танк или конкретно убивают советские солдаты, только как они прикладами пробивают себе дорогу, – все равно это воздействовало на психику.

Первым начал сомневаться писатель Витаутас Петкявичюс – очень известная, колоритная фигура «Саюдиса» и перестройки. Он написал книгу воспоминаний «Корабль дураков», где развенчал многие мифы о Ландсбергисе, о «Саюдисе» и о 13 января, первым заявив о том, что пули-то были охотничьими и что все было задумано и сделано Ландсбергисом и Буткявичюсом, тогдашним директором Департамента охраны края. Была целая серия его интервью в прессе, но им решили не придавать значения, сослались на то, что Петкявичюс человек старый, что-то явно напутал. Но это был бестселлер, он разошелся мгновенно. А в 2010 году появилась книга Юозаса Куолялиса, политзаключенного, отсидевшего несколько лет в литовской тюрьме вместе с другими лидерами Компартии Литвы, которая осталась на платформе КПСС. Это были политические заключенные, им вменили в вину, что они работали на другое государство.

– Это в 1990–1991 годах, когда Литва фактически была признана только Исландией и жила на деньги СССР?

– Именно. Когда Юозаса Куолялиса судили, он получил

доступ к материалам литовской судебной медэкспертизы, в которых черным по белому было написано, что из 13 гражданских жертв 5 или 6 убиты охотничьими пулями, выстрелами сверху вниз под углом 50–60 градусов. И тут никто не может сказать, что это происки врагов, это же была литовская судмедэкспертиза! Вопрос: кто стрелял из охотничьих ружей и винтовок – Мосина сверху вниз? Если бы советские солдаты, то, во-первых, это были бы пули от автомата Калашникова, а во-вторых, поражения были бы фронтальными. А судебная экспертиза установила, что пули прошли через шею вниз. В этой же книге, которая называется «Дело на стыке двух столетий», Куолялис написал о том, что читал в судебных документах показания свидетелей, которые видели, как какие-то лица в спортивных костюмах вели пальбу вниз по толпе с крыш 5-этажных и 9-этажных домов. Эту книгу в Литве тоже старались замолчать. Она вышла в 2010 году, тогда же, когда приняли закон, запрещающий отрицание советской оккупации и агрессии в 1940 и 1991 годах.

Общий враг

– А какие к вам-то могли быть претензии? Вы же вроде бы только повторили то, что сказали другие?

– Будучи вице-мэром Вильнюса, я сам столкнулся с живыми свидетелями тех событий – людьми, которые живут ря-

дом с телебашней и которые мне сами рассказывали про провокаторов, которые стреляли с крыш, и о том, что какие-то рослые ребята говорили им – не бойтесь, идите к танкам, там холостые патроны. Хотя многие шли туда и по собственному рвению – нельзя отрицать, что был всплеск национальных, патриотических эмоций, которые были использованы против самой же Литвы. В ноябре 2010 года я получил приглашение принять участие в радиопередаче о проблемах Литвы: о том, где истоки нищеты и неравенства. И когда один из гостей начал говорить, что «Саюдис» якобы всех нас спас, я решил напомнить ему, что все было не так просто. И привел в пример события 13 января 1991-го, сказав слова, которые ввергли в панику почти всю литовскую элиту. После этой передачи члены сейма и правящей партии подали на меня заявление в прокуратуру. И против меня было возбуждено уголовное дело по факту отрицания и умаления агрессии СССР против Литвы и оскорбления жертв. Хотя кто такие «свои», было вопросом спорным: тогда был фактически еще Советский Союз, национальных паспортов литовцы не имели. Даже Ромуальдас Озолас, правая рука Ландсбергиса, написал потом в своих воспоминаниях о том, что цинизм Ландсбергиса беспределен, – почему он так быстро похоронил эти жертвы? Почему не провел до конца расследование: кто убил, как убил, при каких обстоятельствах? Почему не выяснено, кто были эти подстрекатели, которые звали людей к телебашне, зная, что будет стрельба? Получилось, лю-

ди погибли обманутыми – ведь их звали на «поющую» революцию и говорили, что будут стрелять холостыми. Но никого это не заинтересовало, коллективную ответственность возложили на Советскую армию, написав в обвинительном заключении, что советские солдаты умышленно убили людей. Что самое обидное – ни один из лидеров «Саюдиса» сам у телебашни не был. Они все сидели в забаррикадированном Верховном Совете. Ландсбергиса ждал самолет, пилот был готов его вывезти из Литвы. Пилотом самолета был Роландас Паксас, будущий президент Литвы, которому Ландсбергис потом организовал импичмент. Вот такая ирония судьбы.

– Чего вы лишились после этого громкого скандала? Другой, работы?

– Лишился или обрел – это философский вопрос, никогда не знаешь, что будет в финале. Я не думал, что власть будет настолько глупа, что начнет преследование. Конечно, я лишился некоторых сподвижников, которые не смогли пройти через это испытание. Семья выдержала, хотя и отец, и брат от меня отмежевались. Но я могу их понять: то, что я сказал, для Литвы слишком сложно. Из событий 1991 года политики сделали религию. Это стало догмой: русские убивают литовцев, Россия – вечный враг, а Литва принадлежит Западу, который всегда демократичен, – и кто в этом сомневается, должен сесть в тюрьму. Поэтому пущены миллионы, если не миллиарды денег на создание этой версии. Когда я сказал, что «земля вертится», – в том смысле, что «свои стреляли в

своих», – началась инквизиция XXI века.

– Вы бы хотели, чтобы той фразы в вашей жизни не было?

– На этот вопрос ответа нет... Это дало результат: Литва начала очищаться от некоторых идеологических штампов. Я надеюсь, что те слова, которые стоили мне столь дорого, все-таки дадут импульс для нового понимания патриотизма: правда, даже горькая, лучше, чем сладкая ложь. Настоящий патриотизм – это независимость от предубеждений. Официальная версия очень удобна для теперешних властей, чтобы оправдывать свои экономические неудачи. Есть враг – царская Россия, Советский Союз, сейчас путинская Россия, – который всегда вредит Литве и всегда во всем виноват. И как только в Литве возникают какие-то экономические проблемы, сразу включается кнопка русофобии и антикоммунизма. И люди снова сплачиваются, потому что у них есть общий враг.

Следуя этой логике, литовцы должны были точно так же сплотиться и сейчас, поскольку новый общий враг – Альгирдас Палецкис – покусился на святая святых. Но жизнь пошла не по задуманному сценарию. Потому что тот привел в суд еще 12 свидетелей, которые подтвердили ЕГО версию событий, а не официальную.

«Все свалить на русских, и сойдет»

...Ума не приложу: как суд по делу о «советской агрессии» 13 января 1991 года, с которого в Литве начался 2016 год, будет разбираться с показаниями свидетелей, коих тысячи?!

В первое время, когда я только начала записывать интервью о событиях той январской ночи, я думала, что буду писать классическое журналистское расследование о том, что в действительности происходило у вильнюсских телебашни и телецентра. Начала опрашивать свидетелей и сломалась – в их версиях советские танки множились в геометрической прогрессии и давили десятки, нет, даже сотни людей! Солдаты и офицеры будто бы были «обкуреными» (термин, который вообще-то пришел к нам в циничных 90-х, но никак не на исходе целомудренного в этих вопросах СССР. – Г. С.). Память одних записала, как лейтенант в советской форме будто бы расстреливал строй литовцев в живот, у других в толпе защитников стояли Ландсбергис и Буткявичюс, которых там точно не было, у третьих взрывались и убивали дымовые шашки... Что поделать: человеческие эмоции, наложенные на время и количество пересмотренных телепередач, могут дать самый поразительный результат.

И я это занятие бросила – пусть детали трагедии по крупинкам восстанавливают историки и прокуроры. Эта книга о другом – о той Литве, которая выросла на обломках кон-

струкции, обрушившейся 25 лет назад, и о механизме политических репрессий, который включился там на удивление быстро. Чуть ли не в тот самый миг, когда на башне Гедиминаса взвился национальный литовский флаг.

Но вот вопрос: что делать с показаниями свидетелей, которых привел на свой суд Альгирдас Палецкис, – тех, кто запомнил картинку, которая не вписывается в отредактированный цензурой сюжет? Шансов заявить о себе в литовской прессе у них нет по той простой причине, что согласно закону об отрицании советской агрессии, отрицать эту самую агрессию нельзя, даже если ты лично сам наблюдал картину прямо противоположную.

Кристина Брадаускаене, математик-программист:

– Услышав призыв Ландсбергиса защитить телебашню от захвата и узнав, что людей к ней свезли со всей Литвы, мы с – подругой сварили две кастрюли горячей еды и поехали кормить защитников. Атмосфера там была почти дискотечной – ровно до того момента, пока ребята из охраны края не сообщили, что танки движутся в нашу сторону, и не попросили нас взяться за руки. Потом мы слышали гул тяжелой техники и увидели, как со стороны жилых домов на полянку начали подниматься бэтээры и танки. Танкисты были виртуозы – я ужасалась, когда они на большой скорости ехали в направлении толпы и умудрялись останавливаться буквально в полуметре, и только инерция выдавала, какая у них была скорость. Я видела выстрелы, доносящиеся с дома напро-

тив, они были видны в ночи, потому что стреляли трассирующими пулями. Если бы это были советские солдаты и насадили бы танками – жертв было бы намного больше.

Павел Лагодный, бывший военный:

– В тот день Ландсбергис целый день выступал по телевидению и радио. Сам сидел в подвале, но призывал, чтобы все бежали к телебашне. Я тоже пошел посмотреть и видел, что начали стрелять с пятиэтажного дома номер 37 на улице, которая теперь называется улицей 13 Января. Были вспышки и падали люди – то ли они так прятались, то ли были ранены-убиты. На второй или третий день после событий я пошел в поликлинику. Иду и вижу столпотворение детей. Смотрю: у них сумка с гильзами. Я сам держал в руках гильзу от пули 16-го калибра, выстреленную, от ППШ с круглым диском, они были еще в войну и оставались на вооружении в армии до начала 50-х, современная армия их не использовала. Видел там и гильзы от винтовки Мосина. Жалел потом, что не взял. Хотя... Ну показал бы я сейчас суду эти гильзы – кто бы мне поверил?

Болеславас Билотас, бывший член «Саюдиса»:

– Я прекрасно помню, как и когда поднялся лозунг освобождения от русского гнета. Надо было освободиться от тех военных гарнизонов, которые здесь стояли, и сделать, чтобы народ восстал. Чтобы он спохватился и сказал: мы не хотим русских! А как это сделать, если это нам вообще не мешало: мы даже не разбирались, кто русский – кто литовец?

Что происходило у телебашни, я до самого следующего утра не знал. Пришел в штаб «Саюдиса», а Витаутас Петкявичюс вслух говорит: свои стреляли в своих вчера. Я говорю: так ведь это же будет международный скандал! Москва узнает, пришлет комиссию и армию, и мы все через пару дней окажемся в Сибири! А он говорит: кто в этом бардаке разберется сейчас? Все свалить на русских, и сойдет...

Похороны были созваны пышнейшие, собралась вся Литва, людей было очень много, настроение было не антисоветское, а антирусское. И мы у себя на бюро были даже довольны тем, что пролилась наша литовская кровь от русской руки. Мы могли требовать: «Русские, вон из Литвы!» Так и было: они собрались и уехали без единого выстрела. А мы остались.

Мы тогда договорились, что самое лучшее – молчать и не распускать языков. И если бы на суде меня не спросили – я и сегодня ничего бы не сказал. Я считал, что это честь моей родины, потому и не разглашал. И я чувствую за это беспокойство на душе, потому что вижу, что Палецкиса судят ни за что, а тех, кто разорил наши заводы, не судят. Мне от этого стыдно...

Яунутис Лякас:

– В тот день вся моя семья была около парламента, жена и четверо детей, самой младшей было 10. Вернулся домой, хотел прилечь, но дети крикнули: танки идут! Дочку оставили соседке и побежали к телебашне. Из танков стреляли холо-

стыми, опускали стволы и хлопали, но только из пушек, изнутри никто не стрелял. Нас начали оттуда выжимать – передо мной выстроилась шеренга солдат и все они стреляли в землю. Если бы боевым оружием, то было бы страшное дело! Потом я обратил внимание на пятиэтажный дом – что будто трое человек снимают кино. А посредине дома видел четыре хлопка.

Встретил недавно на улице соседа, тот рассказывал, что у него дома будто бы до сих пор хранятся разные гильзы от патронов. Я говорю – дай мне свой адрес, а он в ответ: «Я боюсь!». Литовцы боятся теперь своей собственной тени. Эйфория прошла. Надурачили нас, как с перестройкой. Нам обещали, что богами станем, а вышло наоборот. Получили независимость, чтоб исчезнуть. У нас жителей не осталось совсем, 53 процента земли продано иностранцам. Народ без земли, без государства – только бутафория. Нас идеально обдурили – говорили «свобода», но – вышло наоборот... Раньше продавались немцам, потом советской власти, сейчас американцам. Получается, мы не телебашню – мы бетонный столб защищали...

«Эйфория прошла, – признает еще один свидетель по делу Палецкиса, Яунутис Лякас. – Надуррачили нас, как с перестройкой». *Фото Г. Сапожниковой.*

В соответствии с замыслом дизайнера...

Снова 13 января, и мы с Дангуоле Раугалене, свидетельницей событий января 1991-го, опять идем к вильнюсской телебашне – только на дворе сейчас не XX век, а XXI.

За двадцать с лишним лет много что изменилось: у подножия башни стоят деревянные кресты, а вокруг установлены

маленькие обелиски на месте гибели тех, кто строго смотрит с паспортных фотографий в вестибюльном музее.

– Вот видите, – рассказывает экскурсовод, показывая на невысокие каменные столбики, – люди гибли не только перед башней, но и за ней тоже, на противоположной стороне от жилых домов. Пули «неизвестных снайперов с крыш» попасть туда никак не могли. Значит, всех убили десантники!

Аргумент действительно впечатляет. Кажется, что у телебашни до сих пор пахнет смертью...

Драматургия сюжета требует написать, что Дангуоле волнуется. Но это не так: она уже отволновалась свое, в суде, причем целых три раза. В первый – когда давала показания по делу Альгирдаса Палецкиса. Во второй и в третий – когда судили ее саму. За то, что рассказала о том, что видела своими собственными глазами, а не прочитала в газетах:

– Я жила недалеко от телебашни. И пошла туда, потому что нельзя было не идти. Днем и вечером Витаутас Ландсбергис показывался в окне сейма, и люди скандировали: «Ландсбергис, Ландсбергис!». И я точно так же кричала. И когда ночью двинулись танки, я на ходу начала одеваться и говорю брату: пошли туда! Внутри все кипело, все были как на крыльях. Когда мы прибежали к телебашне, танки туда еще только заворачивали. Танкисты наполовину вылезли из машин, как на параде. Сверху начали стрелять – и тогда они залезли вовнутрь.

– Откуда сверху?

– С пятиэтажки и девятиэтажки. Пули светились. Ночью было видно, как они трассируют. Потом началось самое ужасное: возле металлической сетки стояли молодые парни, их освещали прожектора танков. Лиц было не видно. Я только видела, как оседают их силуэты, и слышала крики, что кого-то убили... В толпе ходили люди, которые призывали нас не уходить, а идти туда, куда вонзались эти трассирующие пули, говорили: «Там стреляют холостыми, точно не застрелят!»»

Дангуоле Раугалене, свидетельница по делу Палецкиса, своими глазами видела снайперов, которые стреляли с крыш близстоящих домов. *Фото Г. Сапожниковой.*

– Но в тот момент, когда вы увидели, как люди падают,

у вас не было сомнений в том, что они были убиты советскими солдатами?

– Те солдаты, которые приехали на танках, точно не стреляли. Если бы стреляли, то от этого района Вильнюса наверняка ничего бы не осталось. Мы орали, что они убийцы, и даже обрадовались, когда кто-то начал стрелять по танкам сверху вниз, потому что решили, что мы не одни и подоспела помощь.

– А когда все это сложилось в картинку, противоположную от первого впечатления?

– Когда я пришла домой и рассказала отцу. Он мне сказал: забудь о том, что видела, и никогда больше не рассказывай. На следующий день я купила цветы и снова пошла к башне. И в глазах вдруг мелькнула картинка, как у сетки оседают силуэты... Я целый год после этого обходила это место стороной, – показывает Дангуоле на то место, где раньше стоял забор.

А потом вдруг задумывается и говорит:

– Знаете, а ведь эти столбики на месте гибели людей расставлены неправильно! Лорета Асанавичюте (парни из толпы вытолкнули эту молодую девушку под боевую машину десанта, и ее прижало к сетке забора. – Г. С.) получила травмы совсем не тут. А у сетки, где я видела падающие силуэты, почему-то вообще никаких обелисков нет!

Исторической достоверности никто не требовал – видимо, памятные знаки расставили в соответствии с замыслом

дизайнера. Чтобы было красиво...

У вильнюсской телебашни сегодня совсем иная задача. Идеологическая. И она должна быть отработана по полной программе.

* * *

Против двух свидетелей из этого списка – Дангуоле Раугалене и Яунутиса Лякаса – после того, как они обнародовали свои показания, было возбуждено уголовное дело о лжесвидетельстве. Но Верховный суд Литвы полностью их оправдал.

Не по Чехову сценограф Валентинас Тудораке

«Ты понимаешь, что всех оскорбил? Что люди бежали к телебашне без всякого призыва! Что ты им в душу плюнул!» – бросали в лицо Альгирдасу Палецкису однокурсники, друзья, родители.

Это понятно: для многих литовцев события января 1991-го действительно стали самым ярким эмоциональным событием всей жизни.

И как человеку теперь жить с новым знанием о том, что все было не так, как об этом написали газеты? Как вписать его в общую мозаику, не разрушив гармонии?

Другой вопрос – можно ли назвать «гармонией» эту зацементированную временем легенду о «советской агрессии», где не было места никакому другому мнению?

К герою следующего интервью я пришла в театр, в надежде услышать формулу той самой гармонии, ради которой, собственно, 25 лет назад и погибли люди, чьи имена носят теперь вильнюсские улицы. К кому еще идти, если не к ним – писателям, художникам, артистам, – в очередь за истиной, которая обычно посещает их первой?

Участник событий января 1991-го Валентинас Тудораке вспоминает события 25-летней давности, как пик всей своей жизни. *Фото Г. Сапожниковой.*

А после того, что услышала, поняла, что спешить некуда: никакой гармонии в Литве нет и пока не предвидится. Интервью со сценографом вильнюсского Малого театра Валентинасом Тудораке я публикую для того, чтобы представить: каким было литовское общество в 1991 году? И к чему пришло за последнюю четверть века.

«Мы курили, как в кино, как перед боем»

– За два дня до 13 января 1991-го мы сыграли премьерный спектакль «Вишневый сад» по Чехову. Через два дня должен был состояться второй спектакль, но в связи с этими событиями мы решили его отложить на несколько дней. Было время всеобщего поднятия духа, большого единения: спектакль отвлекал бы от основного – того, где нужны были силы всей нации. Звучит, наверное, пафосно, но на самом деле так и было. Сейчас, по прошествии 20 с лишним лет, многое воспринимается иначе, тем более что ожидания многих участников тех событий не исполнились. Мне тогда было 36 лет.

– *Как вы оказались у телебашии?*

– Был призыв собираться у сейма. Не то чтобы защитить его своими телами – предполагалось, что чем больше людей, тем меньше вероятность того, что будут предприняты какие-то brutальные действия со стороны советских войск. Русскоязычное население, в частности, организация «Единство» во главе с Валерием Ивановым, пыталось все время спровоцировать потасовки, чтобы доказать, что здесь находится небезопасно и что обязательно надо вводить военное положение. Я, как и все сотрудники театра, постоянно ходил на дежурства к сейму. Все проходило довольно спокойно: если бы дело было летом, наверное, все это напоминало бы

встречу единомышленников или клуб. В Вильнюс из другого города приехала моя мама, чтобы тоже ходить на митинги и мероприятия. Она привезла мне зимнюю теплую куртку, и уже было не так холодно.

У всех было включено радио, телевизор, по которому постоянно шла новая информация. В тот вечер я решил принять ванну – это детали, но сейчас вы поймете, почему это важно. Позвонила мама: «Сынок, всех зовут к телебашне, надо идти!». Я говорю, что у меня еще голова не высохла, а она: «Быстрее сушишь и иди, нужна помощь людей». Я оделся и пошел пешком. Несколько часов ходил вокруг башни, было все спокойно – люди пели народные песни, приплясывали, чтобы не замерзнуть. Часов в 11 вечера услышал, что что-то происходит. На ступенях телебашни собралась группа мужчин, у кого-то в руках был литовский национальный флаг. В это время сбоку от лесочка послышался звук двигателей и появилось несколько БМП, они развернулись под прямым углом к забору, раздавив его, и окружили всю башню плотным кольцом. Промежуток между машинами был настолько маленький, что, если ты хотел оттуда уйти, надо было протискиваться. Они крутили башнями, поднимали пушки и делали всякие устрашающие жесты. Потом к забору подъехало несколько грузовиков, из которых выскочили солдаты с автоматами и пешим строем кинулись вперед. В первую очередь они начали разбивать камеры и бить журналистов, а потом уже кинулись к нам. Я помню, что мы с соседом курили

быстро, как в кино, как перед боем. Было ощущение катарсиса. Чувство, что это и есть твое предназначение и судьба. Мы все сцепились, никто не расходился, и, если кого-то били по голове и человек терял сознание, его все равно держали другие...

Солдаты подбежали и начали стрелять из автомата по стеклу, поверх голов, оно разбилось, но мы все равно не расходились. Тогда они кинули дымовую шашку, и люди раступились. Что-то рвануло – и в этот момент кусок стеклянной витрины отделился и упал мне на голову. Я потерял сознание. Флаг пытались отобрать, он все время переходил из рук в руки, но все равно поднимался над кучкой людей, которые были у входа. Один пожилой дедушка, седой, все кричал по-русски: «Что вы делаете? Что вы делаете?». Когда я очнулся, какие-то молоденькие парень с девушкой взяли меня под руки, вытащили из этого окружения и увели. Там стояли машины «Скорой помощи», все они были переполнены, кого-то бинтовали на месте, кого-то увозили.

«Это был пик всей моей жизни»

– Вы сказали, что было много раненых. Чем?

– Во-первых, стреляли из пушек. Я думаю, что холостыми, но все равно оттуда что-то выскакивало, мне самому в ногу попал кусочек пластмассы. Во-вторых, людей избивали. Мне самому перед тем, как на меня упало стекло, автомат-

чик по хребту автоматом въехал так, что я чуть не загнулся на месте.

– Видели ли вы, как десантники и бойцы «Альфы» убивали людей?

– Что на кого-то конкретно наставили автомат, выстрелили в живот и человек от этого умер, я не могу сказать, но то, что пулями стреляли, – это точно. Они или пользовались автоматом по прямому назначению, или как дубиной били по головам.

– В материалах дела сказано не так...

– Какого дела? Это Палецкис тут мутит воду, когда говорит, что в своих стреляли свои. Политический деятель великий! Что он тут рассказывает сказки про какую-то винтовку Мосина?

– Но об этом свидетельствует судмедэкспертиза, сделанная литовской стороной: что пять человек убиты пулями из винтовки Мосина и из охотничьих обрезов, а не из автоматов Калашникова!

– Я категорически заявляю, что не могло этого быть.

– Но судэкспертиза-то была сделана литовцами!

– Я знаю, какие бывают люди! Если все такие хорошие, так откуда вылезают такие палецкисы? Дедушка его треть нации сгноил в Сибири с помощью таких коллаборантов, как он.

– Послушайте, но он же привел в суд 12 свидетелей, которые подтвердили, что тоже видели, как стреляли с крыши!

– Все там ясно – это те, кому очень хорошо жилось при

Советах. Кто получал путевки в Минеральные Воды или в Ялту. Сейчас просто так на Черное море не съездишь. А тогда они могли себе это позволить.

– *Сейчас это и в Литве не все могут себе позволить...*

– Согласен. Но это другие вещи. Это экономика. Мир несовершенен, и справедливости в нем нет. Вот сейчас нас и так все душат, так еще Россия с нефтью и газом. Слава Богу, с нефтью мы от вас уже отфутболились. Вот найдем какую-нибудь альтернативу газу, и тогда Россия нам вообще до лампочки будет!

– *Зря вы думаете, что россияне начинают свое утро с мысли о Литве. Сами запомните и другим передайте по цепочке: ни одна живая душа в России не хочет кормить вас снова. Но скажите – а вы лично потеряли от развала СССР или приобрели?*

– Я лично приобрел. Свободу. Это самое главное ощущение у человека. Что может быть лучше, когда ты знаешь, что у тебя есть возможности? Не все так развивается, как хотели бы те, кто был у башни, но в общем и целом все приобрели гораздо больше, чем потеряли. Я тот момент истории вспоминаю как пик своей жизни. Как духовный подъем. Поэтому всякие домыслы или новые пересказы воспринимаю как личное оскорбление. Они мне будоражат душу, и мне от этого больно.

«Куда-то делось людей немерено»

– Как думаете – кто все-таки стрелял из обрезов и винтовки Мосина?

– Мое личное мнение, что это все выдуманно. Могли быть провокаторы. Что, КГБ здесь не было? История Советского Союза вообще вся построена на крови и лжи!

– То есть у вас нет ни одного положительного воспоминания об СССР?

– Почему нет? Я сам в Петербурге учился. И друзья у меня в России есть. Я против этой нации и этих людей ничего не имею. Только против выкормышей организации, которая злостно уничтожала людей.

– А ничего, что ваши «лесные братья» уничтожили 25 тысяч соплеменников? В плане жестокости литовцы в XX веке тоже отметились неплохо...

– Кого больше всего было сослано в лагеря? Из Литвы людей вагонами угоняли. Третья часть нации, если не больше, уничтожена. Возьмите советскую статистику.

– Вот вам статистика: из 3 миллионов населения Литвы в Сибирь было выслано 130 тысяч человек. Большая часть из них вернулась обратно. И говорить о том, что вы потеряли треть нации, – это неправда.

– Я сейчас уже не помню точно, это было давно, но я смотрел, что было перед войной и как стало после. Куда-то де-

лось людей немерено.

– Ну, 196 тысяч евреев, допустим, убили сами литовцы.

– Вот прямо убили? Литовцы? (В этот момент мой собеседник даже растерялся, не поверив. Но быстро оправился. – Г. С.) А сколько людей сбежало на Запад? Они тоже для Литвы потеряны.

– А в том, сколько сбежало сейчас, тоже виноват Советский Союз?

Валентинас Тудораке молчал. Оставалось спросить последнее.

– Неужели фразы, что «свои стреляют в своих» хватило для того, чтобы Альгирдас Палецкис стал в литовском обществе изгоем?

– Он изгой совершенный! – обрадовался сценограф. – У нас в театре как в телевизоре появится про него какая-то новость, так у всех на языке болтается одно слово: «Повесить!»

... Ответ, который мог бы быть находкой для любого театрального режиссера, сэкономил мне массу времени и целую главу. Во всяком случае, стало понятно, какой именно механизм был включен в Литве сразу же после августовского путча, когда она объявила охоту за всеми «бывшими» – коммунистами и журналистами, омовцами, дружинниками и военными, – всеми, кто мог помешать ей выстроить «светлое будущее», до которого она так и не дошла.

Это был знакомый со Второй мировой войны механизм человеконенавистничества. Ничего нового изобретать не

пришлось.

Глава 4

А процесс-то голый!

Занавес над Литвой опустился 21 августа 1991 года, когда начались аресты коммунистов и им сочувствующих. Труп ГКЧП еще не успел остыть, как в квартиры тех, кто не считал СССР «преступным государством» и пытался его сохранить, постучались. Скорость, с какой начали действовать вчерашние друзья и коллеги против тех, с кем днем раньше сидели за одним столом, по-настоящему впечатляет. А еще поражает гипертрофированное чувство мести: врагом еще не оперившегося, почти никем не признанного и де-факто не существующего государства неопиты от революции готовы были признать любого, кто был не с ними. Началась великая литовская «охота на ведьм».

В списках «врагов народа» были сотни: секретари райкомов партии, журналисты, работники милиции, омоновцы – все, кто наивно и до последнего пытался отстоять честь СССР. Десяткам жителей бывшей Литовской ССР в августе 1991-го пришлось навсегда покинуть свои дома, дабы избежать расплаты за то, чего они не совершали. За личными историями их расставаний с маленькой и теплой родиной – самый правдивый снимок великих литовских дней затмения, когда черное превращалось в белое и наоборот.

Хуже было тем, кто остался. За ними тоже пришли. И спустя 8 (!) лет после событий января 1991-го в Вильнюсе начался судебный процесс, вошедший в историю как «дело красных профессоров». Таковых насчитали целых шесть, правда, один из них, Иван Кучеров, до суда не дожил. Еще один – главный редактор радио «Советская Литва» Станислав Мицкевич – на приговор не явился, будучи гражданином России и сумев спрятаться на ее просторах. Но на секретарях Компартии Литвы на платформе КПСС Миколасе Бурокаявичюсе, Юозасе Ермалавичюсе и Юозасе Куолялисе отыгрались по полной программе (им будет посвящена следующая глава. – Г. С.). Еще двое подсудимых – бывший работник милиции Ярослав Прокопович и экс-директор Издательства ЦК КПЛ Леонас Бартошявичюс – честно отсидели по полтора года. Возраст подсудимых, из которых самому младшему (Ермалавичюсу) было 54 года, а самому старшему (Бартошявичюсу) – его привозили на суд в инвалидной коляске – почти 73, во внимание принят не был. «Прошу дать мне умереть дома. Я очень больной человек. После операции у меня постоянно болит голова. Я не могу спать ни днем, ни ночью... Я никогда не выступал против Литвы... Я не являюсь политическим деятелем. Я не виновен ни в чем. Прошу суд меня оправдать и принять во внимание состояние моего здоровья», – молил Бартошявичюс о милосердии. Тщетно. Время пребывания в камере предварительного заключения ему в счет наказания зачли, но после объявления приговора

иезуитски заставили досидеть еще 6 дней до выхода на свободу.

Все заслуги перед Литвой были забыты: даром что перед судом предстали два доктора наук, три заслуженных деятеля культуры и один заслуженный работник МВД – «цивилизованная Европа» не обратила на этот процесс никакого внимания. Представитель ПАСЕ Андреас Гросс, навестивший в тюремной камере Миколаса Бурокиявичюса, вежливо отмолчался. А временно исполняющий обязанности директора Управления международных стандартов и правовых дел ЮНЕСКО Джон Доналдсон написал в Союз журналистов России (который пытался вступить за журналиста Станислава Мицкевича. – Г. С.) ответ, из которого следовало, что Компартия Литвы на платформе КПСС и вовсе являлась «мятежной группой», а в «свободе слова и печати литовцам было отказано в течение полувека с 1940 по 1990 год».

Обстоятельства процесса над «красными профессорами» зафиксировал для Истории другой политический заключенный – историк и философ Валерий Иванов. Сначала его лишили свободы на три года за то, что тот возглавлял общественную литовско-русско-польскую организацию «Венибе-Единство-Едність», которая противостояла «Саюдису». А когда он, освободившись из заключения, написал книгу «Литовская тюрьма» – о том, как он сидел в условиях победившей «литовской демократии», в – пыточном карцере блока строгого режима, в «шкафу» размером 2 метра на 78

сантиметров, – его вдогонку посадили еще раз. По официальной версии – за оскорбление памяти жертв 13 января. Фактически – за то, что усомнился в официальной версии гибели людей от рук советских военнослужащих и разгласил великую литовскую тайну: дела против «красных профессоров», дружинников и лично против него самого, которыми Литва все эти годы оперирует, пытаясь организовать «второй Нюрнберг» над коммунизмом, по сути, слеплены из газетных вырезок и не имеют под собой никакого профессионального основания.

Однажды два этих политических процесса пересеклись, и на суд к Иванову в качестве свидетелей привезли на допрос экс-руководителей литовской Компартии на платформе КПСС. Это было 11 апреля 1994 года.

Из дневника В. Иванова:

«Сегодня был особый для нас день. В суд в качестве свидетелей привезли из Лукишской тюрьмы бывшего первого секретаря ЦК КПЛ (КПСС) Бурокаявичюса М. М., бывшего заведующего идеологическим отделом ЦК КПЛ (КПСС) Ермалавичюса Ю. Ю. и советника ЦК КПЛ (КПСС) Кучерова И. Д.

С того момента, когда спецслужбы Литвы выкрали с территории Белоруссии руководителей компартии Литвы, прошло три месяца. Тюрьма еще не успела наложить свой отпечаток на их светлые лица. Лишь Иван Данилович Кучеров, к этому дню проведший в застенках 9 месяцев, выглядел бледным и несколько растерянным.

Когда их, поочередно, под охраной полицейских вводили в зал суда для дачи показаний, мы вставали со скамьи подсудимых, отдавая тем самым честь людям, которые в самый ответственный момент боролись за единство нашей великой страны, взяли на себя ответственность за социалистическое будущее и которых беспардонно предали – прежде всего, их бывший прямой номенклатурный руководитель генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев М. С., Президент СССР.

Сейчас они переживают вместе с нами акт драмы, достойной пера Шекспира. Привезенные в суд, они свидетельствовали, что честно служили государству, гражданами которого все мы были до декабря 1991 года».

...Спектакль закончился, а пьеса продолжала жить своей жизнью. И если бы Шекспир узнал о том, что спустя четверть века после премьеры (событий января 1991-го. – Г. С.) в Литве по третьему кругу будут сгонять актеров на финальную сцену под названием «Показательный суд», он превратился бы в Станиславского и закричал: «Не верю!»

Историк и философ Валерий Иванов: «Я пообещал забрать сына из детского сада и ушел на три года»

Собственно, у меня к этому человеку был только один вопрос, но зато самый важный: на третий день августовского путча, 21 августа 1991 года, когда демократия в Прибалтике расцвела красными маками и начались первые аресты, умные люди начали из Литвы убегать. Почему он – Валерий Иванов – остался?

– У меня не было другого выхода. Во-первых, я никого не убивал. Я вел чисто политическую борьбу вместе со своей организацией, лидером которой являлся и которая была официально зарегистрирована. Я, честно сказать, просто и предположить не мог, что меня могут преследовать. Тем более всем прекрасно было известно, что я отец-одиночка, жена у меня умерла от рака пару лет назад до этого, и у меня на руках были маленький ребенок и мама, пожилая женщина, у которой я – единственный сын. Ну, думаю, вызовут, может, пригрозят, допросят – но сажать-то за что? Увы: мне тем не менее пришлось пройти все круги ада.

Валерий Иванов своего сына Адриана до детского сада так и не довел: его арестовали прямо по дороге. *Фото из архива В. Иванова.*

– *И в этой иллюзии вы пребывали до самого дня ареста – 27 ноября 1991 года?*

– Да. Я вел ребенка в детский сад, подходят двое. Я понял, что это по мою душу. До этого я уже договорился со своими ребятами: если вдруг что-то произойдет и меня куда-то увезут, я попробую дать знать, чтобы они забрали Адриана

и вывезли его в Россию, иначе меня будут им шантажировать... Так оно и было. Меня арестовали. Из детского сада повели прямо в прокуратуру. Я говорю: дайте домой зайти и хотя бы что-то взять. Не дали. Я поцеловал ребенка, сказал, что в шесть часов вечера за ним приду, и ушел на три года.

По законам советского времени

– *Что вам инкриминировали?*

– Сначала не знали, что вменить, потому пытались использовать 105-ю статью, будто бы в ночь на 13 января 1991-го я убил некоего господина Канапинскаса. Потом оказалось, что этого человека увезли в больницу еще до того, как я со своей съемочной группой появился у здания телерадиокомитета. Я человек опытный, в молодости работал санитаром на «Скорой помощи», хотел быть медиком и знаю, как оформляются бумаги. Это документы строгой отчетности. И я обратил внимание следствия на то, что Канапинскаса вывезли в 2.10 ночи с того места, где его нашли, а автобус с дружинниками и видеогруппой, в котором ехал я, прибыл к зданию телерадиокомитета в 2.30, что было зафиксировано. То есть у меня было алиби.

– *За что же вас тогда три года продержали в тюрьме?*

– За «создание антигосударственной организации и антигосударственную деятельность». 70-я, политическая статья еще с советских времен.

– Получается, вас сажали по советским законам? Неужели они не предусматривали отсрочку или условный срок отцу-одиночке?

– Нет. Я сразу сказал: вы знаете, что у меня ребенок в детском саду и я должен вечером его забрать? Они все знали, конечно... Когда следователь вышел из кабинета, я быстро позвонил с его телефона друзьям – специально, видимо, было подстроено так, чтобы я мог сделать звонок. И все. Потом меня вывели под дулами четырех автоматчиков, чтобы не убежал, и увезли в тюрьму.

Что такое советская власть?

– Я знаю интересный факт из вашей биографии – что все эти три года в тюремной камере вы провели бесполезно для себя и для общества. А именно: получив доступ к материалам уголовного дела, потихонечку день за днем и страница за страницей переписывали его себе в блокнотик. Это настоящий подвиг – в условиях того, что к оригиналам уголовного дела о 13 января 1991-го Литва никого не подпускает.

– Дело в том, что я – человек образованный и прошел очень хорошую историческую школу в Варшавском университете. Нас учили работать с документами, делать правильные выводы и искать информацию. Правда, есть одна немаловажная деталь: я отказался давать показания. Я был ли-

дером организации, и любое мое слово могло задеть других людей, которых бы тоже начали таскать на допросы. И за это меня вывезли в Шяуляй, подвергли жесточайшему прессингу и били так, что я месяц лежал синий в санчасти шяуляйского изолятора... Перед выходом из шяуляйской тюрьмы в отношении меня была сделана провокация, в результате которой я, наверное, должен был исчезнуть. То есть, если бы я не проявил выдержки, меня бы убили сокамерники. Однажды кто-то из них меня спрашивает: ты за советскую власть? Я говорю: да. На меня набрасываются, я защищаюсь, но вижу, что у одного из них штырь в руке. Сижусь и думаю: ну и бейте меня, пусть я буду покалеченный, и у вас потом не будет алиби. Но они, видя, что я не реагирую, останавливаются. Через два часа меня увели.

– Так как вы все-таки сообразили, что нужно копировать документы?

– Я начал их переписывать, когда следствие было закончено и нас подпустили к материалам дела. А когда был в тюрьме, писал дневники, которые потом опубликовал в виде книги. Ее издали небольшим тиражом, она моментально разошлась и стала раритетом. Но после этого я сделал презентацию в Госдуме, повторив, что доказательств гибели людей от рук советских солдат не было и нет. Там присутствовал представитель литовского посольства. И, когда я вернулся в Вильнюс, против меня немедленно было начато новое дело – уже по книге. И за нее я получил год.

– *За разглашение государственной тайны?*

– Ну какая гостайна, если я написал то, что в документах концы с концами не сходятся. Не сходятся. А я, извините, философ, я философию строю на математике, поэтому очень точен.

«Неправильная» книга

– *Зачем же вы вернулись в Литву? Не просчитали, чем дело закончится?*

– Я все просчитал, но что я мог сделать? Я знаю, что я невиновен. Иисус Христос тоже всем делал добро, а куда попал? У меня были идеалы, на которые я равнялся: делай добро и не бойся, получишь зло и все равно не бойся – пройдешь и через это и победишь. И я победил.

– *Наверное, «Литовская тюрьма» была потом многократно переиздана, раз уж вас за нее посадили?*

– Нет, потому что она была неправильная. Ни в России не соответствовала идеологическому моменту, ни в Литве. Это был 1996 год. Прибалтика тогда считалась «образцом демократии». Выйдя из тюрьмы, я пообщался с Андреасом Гроссом, представителем ПАСЕ, который меня навещал, и подарил ему свою книгу, расписав, сколько у нас диссидентов сидело в то время в тюрьмах, у меня была составлена справка. Но с таким же успехом я мог эту справку пустить по реке Нерис, которая идет через Вильнюс. Ни ответа от него

не пришло, ни привета.

– *То есть о вашей проблеме в Европе знали? А почему же бездействовали?*

– Для меня это тоже загадка. Кто только ко мне тогда не приезжал – и ничего, я отсидел от звонка до звонка.

– *А почему, интересно, ни в России, ни в Европе не считалось возможным критиковать Прибалтику? Литва вступала в Евросоюз, имея за плечами знаменитое дело «красных профессоров» и официальных политических заключенных!*

– Это самый главный вопрос. Если честно, я не знаю, как на него ответить. Самое удивительное то, что события, о – которых идет речь, происходили на территории Литовской ССР и по законам Литовской ССР. В ночь на 11 марта 1990 года «Саюдис» объявляет о независимости Литвы и принимает конституцию 1938 года, согласно которой Вильнюс и Вильнюсский край не входят в состав тогдашней Литовской Республики, а столицей является Каунас. Но нет! Людей судили за то, что они, находясь на территории Литовской ССР, будучи гражданами Литовской ССР, живя по законам Литовской ССР, совершили нечто такое, что противоречит законам другого государства – Литовской Республики... Ну вот представьте: в Амазонии есть племена, которые кушают своих ребят на завтрак. Мы вылавливаем одного туземца, везем в Вильнюс и судим его по своим законам, спрашивая: почему он кушает на завтрак своего неудавшегося соплеменника? Цирк. Во время суда я задавал вопрос: ска-

жите мне фамилию того конкретного человека, советского военнослужащего, который убил вашего родственника, или хотя бы номер танка. Назовите – и я покаюсь и посыплю голову пеплом. Нет, говорят, мы не знаем... И все-таки меня осудили за то, что я будто бы оскорбил память погибших.

Александр

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ

**ЛИТОВСКАЯ
ТЮРЬМА**

За свою книгу «Литовская тюрьма» Валерий Иванов получил год литовской тюрьмы дополнительно. *Фото Г. Сапожниковой.*

Мне их жаль: они ничего не могут доказать, потому что нет доказательств. Как их создать? Вот Лорету Асанавичюте (по официальной версии, погибла под гусеницами советского танка. – Г. С.) сделали образцово-показательной жертвой – а ее привезли в больницу живой, перед операцией она сама называла свой адрес, еще в семь утра 13 января ей делали кардиограмму, а в час дня она уже лежала на проекционном столе... Я видел документы вскрытия – у нее ни одной косточки не было поломано. Как так можно танком раздавить человека, чтобы кости не раскрошились? Про снайперов, стрелявших с крыш, говорилось с самого первого дня после январской трагедии, а писатель Петкявичюс, с которым я сам беседовал не раз и не два, открыто говорил о 18 пограничниках-литовцах, которые якобы с этих крыш и стреляли. Не уверен, что в суде над СССР, который сейчас идет в Вильнюсе, эти факты будут озвучены.

«Требую найти убийц»

– Вам это интервью давать не опасно?

– А чего мне бояться? Сын взрослый, мама уже в лучшем мире. Если жить не по правде, так зачем жить? Я не отрицаю

гибели людей в ночь на 13 января 1991 года. Я соперечаю за их гибель и приношу соболезнования. Но я требую найти убийц этих людей. А их никто еще не назвал. Так же, как никто не доказал, что таможенников в Мядининкае убил именно тот несчастный омоновец из Риги, который сидит теперь пожизненно в литовской тюрьме. Его посадили, потому что так надо. Просто некий режиссер написал в сценарии, что в конце пьесы кому-нибудь следует сидеть...

– Правильным ли будет сказать так: в конце 80-х большое количество литовцев были вашими потенциальными союзниками и не хотели, чтобы Литва выходила из Советского Союза, однако их сознание перевернули одной исторической фальсификацией?

– Я бы не сказал, что сознание перевернули. Если бы его перевернули в пользу Литвы, то сейчас не было бы массового оттока ее жителей. Население Литвы до войны составляло 2,5 миллиона. В момент развала СССР – 3,7 миллиона. Сейчас мы уже перешли грань того, что было до войны. Но в интернете все равно продолжают писать, что бояться надо не вымирания страны, а русских. Литовцы не русофобы, я там родился, я знаю этот народ, я его люблю. Пока не было «Саюдиса» и надувания этого нацистского пузыря, все было нормально. У меня жена была литовка. Я, представьте, был женат на «Мисс Литве», и ее лицо было даже одним из символов «Саюдиса». Интернациональной организации, подобной той, что я возглавлял и за что был судим – «Вени-

бе-Единство-Едность», – в Литве за последнюю четверть века больше так и не появилось.

Из тюремных дневников Валерия Иванова:

«...Итак, я в камере предварительного заключения по ул. Костюшко города Вильнюса. Прощаясь с Адрианом в группе, я еще не знал, что мне не позволят его взять вечером домой, как обычно я это делал в 18 часов. Я не знал, что буду в это время находиться в камере КПЗ № 1, с голым деревянным настилом – нарами, в 6 кв. м, через квадратное окно которой ничего не видно. Стеклоблоки, которыми заложено окно камеры, пропускают лишь тусклый свет. Выработанный за годы инстинкт встречи в 18 часов с ребенком в детсаде вчера вечером очень угнетал меня. Мысли были только об Адриане. Посчитал, моему сыну сегодня 5 лет, 10 месяцев и 4 дня. Вчера, когда меня уводили из Генпрокуратуры Литовской Республики, я успел передать друзьям, чтобы позаботились о моем малыше. Сегодня спокойней, т. к. уверен, сын не оставлен в беде, обласкан и накормлен. Надежда, что с сыном будет все в порядке, успокаивает меня. За дверями шум, в соседнюю камеру, справа, привели новоселов. Вывели и их снимать отпечатки пальцев. Они тоже русские. Вообще литовской речи почти не слышно. Наказание уже вершится, хотя еще никто не доказал, что я преступник. Это ли не свидетельство о здеишем тоталитарном государстве? Вместо того, чтобы дать активным представителям неэкстремистских политических организаций воз-

возможность высказаться в средствах массовой информации, оспорить с аргументами в руках политическую оппозицию и доказать свою правоту в происходящих действиях, – власть бросает людей в застенки. Это государственный политический терроризм!

...А выпускать – не выпускают. Просил сделать это во имя малолетнего сына, который сейчас страдает без отца. Адриашка хотя и маленький, но сколько ему уже пришлось перенести: смерть матери, лишения, унижения и травлю отца со стороны прессы и властей (слышал всё это), и теперь – арест отца. О Боже! Ведь писал великий Федор Достоевский «о слезинке ребенка»... Неужели мы еще настолько некультурны и нецивилизованны?

...Отмечу, на мой взгляд, одно важное наблюдение, сделанное той ночью. Машины скорой медицинской помощи имитировали массовый вывоз раненых с места событий около телерадиоцентра (КРТВ). Это выражалось в том, что медицинские машины, каждые пять минут приезжавшие на улицу Конарского, останавливались напротив, затем, постояв немного, быстро отъезжали, включив «мигалку» и звуковой сигнал. Причем они с улицы никого не брали, поскольку двери машин все то время, пока они стояли, оставались закрытыми. Думаю, эта дьявольски хитрая акция, по задумке ее организаторов, должна была показать

сновавшим всюду с видеокамерами и фотоаппаратами иностранным корреспондентам массовость жертв «расправы военнослужащих СА с мирным гражданским населением». Журналистов, как ни странно, загодя очень много приехало к этой ночи в Вильнюс, и заняли они в отличие от нас очень точные позиции для своих репортажей с места предстоящих событий. Синий цвет «мигалок» машин «Скорой помощи» и кричащие звуковые сигналы, рев моторов военной бронетехники, редкие хлопки холостых выстрелов пушек танков – создавали соответствующий антураж, возбуждали эмоционально толпу литовских националистов, подогревая их стремление к протесту по поводу присутствия здесь военнослужащих Советской армии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.